
(НЕ)ТВОЯ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ЕВА РАЙ

Ева Рай

(Не)твоя

«Автор»
2026

Рай Е.

(Не)твоя / Е. Рай — «Автор», 2026

Мужчина, которого я любила до безумия, оказался наследником криминальной империи. В его семье браки заключают ради выгоды, предателей устраняют, а от ненужных любовниц избавляются без сожаления.Однажды я случайно услышала, что меня ждёт, и успела сбежать.Пять лет я пыталась забыть прошлое. Сменила фамилию, вышла замуж и построила новую жизнь вдали от людей, способных одним приказом решить чужую судьбу.Но он нашёл меня.У него есть жена, деньги, власть и всё, о чём другие могут только мечтать.И теперь он снова хочет меня.Мой брак его не останавливает. Моя ненависть ничуть не смущает. Он по-прежнему привык получать желаемое, не считаясь с чужими чувствами. А за каждым его предложением скрывается угроза, от которой невозможно просто отмахнуться.Он уверен, что рано или поздно я уступлю.Пять лет назад я бежала от его предательства. Теперь мне придётся спасаться от его одержимости.

© Рай Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 12
Глава 2 17
Глава 3 22
Глава 4 27
Глава 5 32
Глава 6 37
Глава 7 45
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Ева Рай
(Не)твоя

Пролог

Когда-то каждый мой день проходил по одному и тому же сценарию: выматывающая смена в клубе, последний автобус до общаги на окраине и пустая остановка под тусклым фонарем.

Комнату в общежитии мне выдали от государства после выпуска из интерната, куда я попала в двенадцать лет после того, как моя мать умерла от передоза. Отца и других родственников у меня не было, а в таком возрасте шансов попасть в приемную семью почти нет.

Кому вообще нужна девочка-подросток с плохой «генетикой» в личном деле?

Но я не жалуюсь. На самом деле – нет.

Мне удалось отхватить свой кусочек счастья в лице Демида Чернова – успешного молодого бизнесмена, владельца сети ресторанов и ночных клубов, в одном из которых мы и познакомились.

Случайно вышло и немного неловко. Я только пару месяцев отработала, нанимал меня другой человек, а сам хозяин в клубе появлялся крайне редко.

Я, конечно, слышала про Демида, слухов о нем ходило море, особенно среди молоденьких восторженных официанток, но в лицо ни разу его не видела и в соцсетях не искала. Вообще, как-то не до этого было.

Когда он заявился в клуб с толпой шумных друзей и занял забронированную начальством вип-кабинку, я влетела туда, как фурия. Вежливо, но настойчиво предложила переместиться за другой столик в общем зале.

Почему-то я решила, что толпа молодых развязных бездельников, разодетых в брендовые шмотки, не имела ничего общего с серьезным бизнесом. Обычные обнаглевшие мажоры или студенты из какого-нибудь дорогущего вуза. Облажалась, в общем, по-крупному и из коллег никто заранее не предупредил. Наверняка, специально. Устроили новенькой проверочный стресс-тест. Жесткая получилась проверка и… роковая. Для меня.

Демид на мое вежливо-ультимативное требование покинуть випку отреагировал на удивление спокойно. Улыбнулся широкой белозубой улыбкой, окинул похабным взглядом с головы до ног и так же похабно подмигнул. Его дружки заржали в голос, по-хозяйски развалившись на кожаных диванах.

– Дем, это новенькая, что ли? Ничего такая. Не объезженная еще. С гонором. Дашь прокатиться? – с наглой усмешкой заявил один из них. Неприлично накаченный блондин с бесстыжими голубыми глазами.

Я вспыхнула до корней волос, скрестила руки, чтобы хоть как-то прикрыться от раздевающего взгляда. Облегающая униформа практически не оставляла места для воображения и к повышенному мужскому вниманию я почти привыкла, но сейчас оно ощущалось иначе.

Остальные парни тоже пялились и отпускали пошловатые шуточки.

– Ага, новенькая по ходу, – с ленивой ухмылкой ответил Демид, с интересом разглядывая мое лицо и с особой пристрастностью то, что находилось ниже. – Но покататься пока не дам. Сам присматриваюсь.

Я захлебнулась возмущением. Растерялась, не зная, как реагировать.

– Мне охрану позвать? – голос предательски дрогнул, и я трусливо обернулась в поисках подмоги.

Официантки суетливо летали по залу, обслуживая столики, парни из службы безопасности торчали возле входа в зал и в мою сторону даже не смотрели.

– Администратора позови, зай. Мы решим вопрос, – улыбка шире расползалась по чувственным мужским губам с тонким белым шрамом на нижней.

Красивый парень с сокрушительной…хмм… харизмой, – машинально отметила я про себя. Ну или обаянием, хотя это определение тоже не совсем подходит. Ходячий секс – да, это, пожалуй, ближе.

Широкие плечи и литые бицепсы обтягивала белая футболка, контрастирующая с вязью цветных татуировок, полностью покрывающих смуглые руки и заходящих на шею. Резковатые черты лица без слащавости, небрежная щетина, нос с горбинкой, как после перелома, и стильно подстриженные темные волосы придавали его внешности хулиганский налет. Бледно-голубые дизайнерские джинсы, идеально сидящие на крепких мускулистых бедрах, неприлично топорщились в паху.

Мамочки, зачем я вообще туда посмотрела?

– Налюбовалась? – разумеется, он заметил, и откровенно наслаждался моим смущением. – И к какому мнению пришла? Прокатишься со мной после смены? Или можно здесь. Когда у тебя перерыв, зай? – нагло спросил парень, игнорируя мое имя на нагрудном бэйджике, но не саму грудь.

– Да, что вы… Да как вы… – оскорбленно просипела я, прикладывая ледяные ладони к пылающим щекам.

Парни дружно заржали, а я готова была провалиться сквозь землю. К счастью, администратор Антон нарисовался сам. Грозно зыркнул на меня и повернулся к компании наглецов с услужливой улыбкой.

– Прошу прощения, Демид Олегович. Алина у нас второй месяц всего. Еще не втянулась, – извинился он, грубовато задвигая меня за спину.

– Ни загоняйся, Тох. Я помогу девушке втянуться, – Демид снова нахально мне подмигнул, не отрывая взгляд от выреза моей блузки. – Обслужишь нас, Алина? Мы не обидим, – он впервые произнес мое имя, но сам подтекст реплики прозвучал настолько пошло, что даже Антона покорежило.

– Справишься? – админ бросил на меня вопросительный взгляд.

Я обреченно кивнула. Какие у меня были варианты? До конца испытательного срока оставался еще целый месяц, а платили здесь почти в два раза больше, чем на предыдущем месте. Глупо лишаться работы из-за своры богатеньких отморозков, один из которых по насмешке судьбы оказался владельцем этого заведения и моим непосредственным работодателем.

В общем, я проглотила возмущение, и расстаралась, как могла. Выложилась на все сто, но, конечно же, в рамках своих обязанностей. Слава богу, никаких смешков и пошлых шуточек в мой адрес больше не звучало, а оценивающие мужские взгляды…. Я их упорно игнорировала. Все, кроме одного. Это было невозможно, потому что Демид Чернов буквально пожирал меня своими синими глазами с пляшущими чертями в широких черных зрачках.

Демид не соврал, меня не обидели. Ни словом, ни чаевыми. Когда компания покинула клуб, я едва не расплакалась от облегчения.

Рано радовалась.

После смены Демид подкараулил меня у служебного входа, предложил подкинуть до дома на своем мажорском глянцево-черном Майбахе. В то, что он сам заработал на люксовую тачку я не верила. Кто такой его отец и какую роль играет в жизни города-миллионника, знали даже первоклашки в самой захолустной школе. По уровню влияния с Олегом Черновым даже наш мэр не мог конкурировать, боялся нарваться на неприятности.

Вот и представьте степень моего ужаса, когда ко мне подкатил его единственный сынок. Разумеется, я наотрез отказалась, шарахнувшись от него, как от чумы.

Но Демид не отступил. Пер напролом, как танк, руководствуясь известным девизом мудаков: вижу цель, не вижу препятствий.

В каждую мою смену он приходил в клуб, но, слава господи, один. Занимал вип-кабинку и требовал, чтобы его обслуживала именно я.

Мои слезливые мольбы Антона совершенно не трогали, а я по-прежнему боялась потерять хорошее место. Девчонки-официантки жутко завидовали и крутили пальцем у виска, не понимая, какого лешего я ломаюсь. Сексуальный богатый парень из влиятельной семьи, такому любая даст по щелчку и давали – об этом я тоже была наслышана. К тому же чаевых Демид оставлял столько, что за неделю я заработала больше, чем за два месяца, что дико бесило моих коллег.

Напряжение в коллективе росло, я упиралась, а Чернов и не думал сдаваться. Ходил в клуб, как на работу, с разговорами не лез, но нагло и совершенно бесстыже глазел. Оставлял огромные чаевые и уходил, а потом встречал после смены. Пару раз пытался всучить цветы, я не брала. Насильно в машину не тащил, но ехал за мной до самой остановки.

Так продолжалось несколько недель подряд.

А потом я сдалась.

Не потому, что выдохлась, и не потому, что он взял меня измором. Все оказалось куда банальнее и прозаичнее. Как в самых наивных романах.

Я втрескалась в него по уши, до одури, до потери пульса.

Теперь я понимаю, что у меня не было даже мизерного шанса устоять. Ни малейшей возможности, ни единой лазейки.

Мы не долго встречались, почти сразу начали жить вместе. Свиданий практически не было. Демид попросту не привык к такому формату отношений. Один раз сходили в кино на вечерний сеанс, затем он пригласил меня на концерт моей любимой группы, а после отвез к себе и больше уже не отпустил.

Наш первый секс… Мне показалось, что он слегка не задался. Я неопытная, шуганная девственница, он напористый бабник, наконец дорвавшийся до давно намеченной добычи. Нет, он, конечно, старался меня расслабить, но его выдержки хватило ненадолго.

Не дав толком отдышаться, Демид набросился на меня с остервенением первопроходца, не делая никаких скидок на мою невинность. Было больно, жарко, остро и немного пугающе, но я все равно чувствовала себя безумно счастливой.

Потому что это был он.

И я одержимо хотела его.

И как умалишенная любила, испытывая отчаянную потребность доставить ему удовольствие. Стать одним целым. Ощутить его в себе.

Второй раз был намного лучше, а в третий я испытала свой первый настоящий, крышесносный экстаз. Я стонала, царапалась, кусалась и в неконтролируемом удовольствии умудрилась садануть ему локтем в бровь, оставив на память небольшой синяк.

Боже, как он потом смеялся, глядя на свое отражение. И какой же у него был безумно сексуальный смех.

Стоит ли говорить о том, что после переезда к Демиду мой тусклый серый мир изменился?

Думаю нет.

Он наполнился яркими красками, расширился до университетских аудиторий и высоких потолков в роскошной двухуровневой квартире, где подоконники были шире моей прежней кровати. Демид уговорил меня уволиться, оплатил учебу в местном престижном Вузе, покупал для меня брендовую одежду, сама я категорически отказывалась, когда он пытался организовать мне вылазку по бутикам, дарил гаджеты и драгоценности, просто так, без всякого повода.

А еще почти каждый день незаметно подсовывал наличные в мою сумочку. По первости я возмущалась и выкладывала деньги на видное место. Но он так искренне злился, что со временем пришлось смириться.

Я ездила в универ на дорогой тачке с личным водителем, засыпала в горячих и сильных мужских руках, глядя на реку и дорогие дома на другом берегу, и все равно внутри грызло ощущение, что я здесь временная гостья.

Казалось, что кто-то в любой момент щелкнет пальцами, и мне придется снова вернуться к стойке бара и ночному автобусу, как будто ни Демида, ни этой красивой сказки никогда не было.

***

В тот день, как назло, отменили две последние пары, и я вернулась раньше, решив поехать на такси. Демида не предупредила и водителя вызывать не стала. Погода стояла чудная и хотелось немного прогуляться в одиночестве. Подумать о будущем, настроиться на серьезный разговор…

Прислонила ключ-карту к панели, замок сработал бесшумно. В просторной прихожей горел свет, а из гостиной тянуло дорогим табаком и мужскими голосами. Я удивленно замерла. За полгода, что я прожила в квартире Демида, мы ни разу не принимали гостей и сами редко куда выбирались.

Я здорово ошиблась, когда решила, что он типичный представитель золотой молодежи, направо и налево разбрасывающийся деньгами родителей. Демид действительно работал.

С восьми утра и до позднего вечера пропадал в главном офисе холдинга отца. Домой возвращался совершенно вымотанным и уставшим, но на секс у него всегда оставались силы. И ранним утром и глубокой ночью.

В горизонтальной плоскости он был неутомим. Заводился мгновенно. Жадный, голодный, ненасытный. Мне это нравилось, я считала его дикий темперамент доказательством сильных чувств и глубокой привязанности.

Наивная, я слишком мало понимала в мужской природе.

Для некоторых самцов секс – базовая потребность, приятный сброс напряжения и самый быстрый источник восполнения энергии.

Я автоматически замедлила шаг, неудобная сумка давила ремнем на плечо. Дверь в гостиную оставили неплотно прикрытой, и я слышала каждое слово, а вот мое появление осталось незамеченным. Подняла руку, чтобы деликатно постучать, и замерла на полпути.

– Если успеем к осени, мэрия сама придет договариваться, – проговорил низкий мужской голос. – Проект полностью на тебе, Дем. Не проеби. Консультантов своих поставлю, но и сам в оба смотри. Зря что ли диплом в Англии получал.

– Не начинай, пап, – раздраженно бросил Демид.

Пап? Ох, черт. Выходит, сам Олег Сергеевич Чернов к нам пожаловал? Ну не совсем к нам, к сыну. Со мной он еще не знаком.

– Землю вы уже выбили? – лениво уточнил Демид.

– Занимаемся вплотную, – ответил третий собеседник. Голос более плавный, обволакивающий и смутно знакомый.

– Да чем там заниматься? Документы уже на подписи. Любишь ты тумана навести, Сафронов, – хрипло рассмеялся Чернов-старший. Раздался звон стакана, словно тот с размаху поставили на столик.

Я аж похолодела и вросла в стену. Час от часу не легче. Сафронов Виктор Аркадьевич тоже здесь. Полукриминальный олигарх и строительный магнат, а по совместительству главный деловой партнер Черновых.

И да, сфера деятельности семьи Демида тоже не всегда укладывалась в рамки закона. Но я старалась об этом не задумываться и держаться подальше. Так спокойнее и нервы целее.

– Проект пошел и весьма резво, Олег, – деловито продолжил Сафронов. – Но мне нужны гарантии, что твой сын не будет отвлекаться на мелочи.

На «мелочах» он сделал такое ударение, что даже я почувствовала щербатый край.

– Никто и не отвлекается, – сухо заметил Демид. Я почти увидела, как он откинулся на спинку кресла. – Управление клубами не мелочь.

– Солидарен с тобой полностью, – мягко согласился Сафронов. – А вот твоя девочка наверняка будет отвлекать.

Я дернулась, будто меня ударили.

Олег Чернов негромко выругался и произнес то, что вызывало у меня кратковременный паралич:

– До возвращения твоей дочери из Штатов еще сколько? Три месяца? Два? Ему, что, все это время нетраханым ходить? Ты себя вспомни, Вить, в двадцать пять лет. Ты и сейчас…

– Кира прилетит домой через две недели, – отрезал Сафронов. – Свадьбу сыграем сразу после сделки.

Кира? Свадьба? От обилия сыплющихся фактов меня замутило. Грудную клетку сдавило от разрывающей боли, но это было еще не все…

– Я разберусь, – коротко обрубил Демид. – Киру встречу, как положено, но торопить события не вижу смысла. Мы больше года друг друга не видели. Ей тоже понадобиться время ко мне привыкнуть.

Есть тысячи тонов в голосе, которые я научилась читать. Сейчас он говорил ровно, но я слышала, как напряглась каждая нота. Если бы я находилась в гостиной, он бы уже смотрел так, что никто не стал бы спорить. Но сейчас там только двое старших, те, кто подмяли под себя этот город задолго до его появления.

– Дем, – Виктор Сафронов чуть понизил голос, – ты умный парень. Я не говорю «бросай прямо сейчас». Я говорю реши вопрос. Тихо, без сцен. Девочку необходимо пристроить. Снять жилье в другом районе, а лучше отправить подальше, у тебя достаточно инструментов. Но когда Кира вернется, она не должна видеть рядом с тобой никого, кто может открыть рот в неподходящий момент. Нам медийный скандал не нужен.

Пристроить. Снять жилье. Отправить подальше.

Они говорили обо мне, как о вещи, которую можно аккуратно переставить в другой угол комнаты, чтобы не мешала клеить новые обои.

Я сжала кулаки до побелевших костяшек, задержала дыхание, с мазохистским нетерпением вслушиваясь в повисшую тишину.

– Алина не полезет ни в какие скандалы, – жестко резанул Демид.

Снова пауза. Я почти физически чувствовала, как он сдерживается. И все еще на что-то надеялась.

– Она не из наших, – напомнил отец. – Не понимает, куда вляпалась. Сегодня слезы и истерики, завтра интервью какому-нибудь журналу «о тяжелой судьбе брошенной подружки молодого и перспективного бизнесмена». Ты сам будешь это разгребать?

– Это только моя проблема. Сказал же, что разберусь, – недовольно отозвался Демид. – Через две недели тут никого не будет.

– Уверен? – настойчиво уточнил потенциальный тесть.

– Абсолютно. У нас ничего серьезного. Держал ее под рукой, чтобы не тратить время на шлюх. Работы сейчас завались, а в офисе секретарш драть не всегда удобно.

Ах ты мразь! Внутри прокатилась ядовитая волна ярости, ударила в грудь, зажимая раненное сердце в тиски. Вдох и его разорвало на части. Боль ослепила, обожгла, опалила сетчатку. В глаза будто песку насыпали вперемешку с солью, но слез не было. Во мне словно не осталось ни влаги, ни крови, ни желания жить.

– Смотри, Демид. Не сделаешь ты, я своих решал подтяну, – с недвусмысленной угрозой отозвался Сафронов, забивая очередной ржавый гвоздь в мое сердце. – Разберутся по очереди, – противно усмехнулся он. – С каждой. И по офисным давалкам пройдутся, ты уж как-

то поумерь аппетиты. Хотя бы на первое время. Я свою дочь счастливой хочу видеть, и общий наследник нашим семьям не помешает в ближайшие год-два.

Послышался шорох бумаги, кто-то пододвинул папку по столу.

– Ладно, давайте о другой проблеме, – продолжил Чернов-старший. – Андрей Чепуренко – твой человек, Дем?

Я замерла, услышав еще одно знакомое имя. Чепуренко управляющий клубом, где я работала до того, как Демид настоял на моем увольнении. Именно он меня и нанимал.

– Что это? – спустя пару секунд раздался напряженный голос Демида, а шелест документов наоборот затих.

– У тебя в руках доказательство того, – протянул Олег Аркадьевич. – Что Андрюша попутал берега и сливал информацию о левых поставках нашим конкурентам. С этими бесстрашными долбоебами уже порешали, а с Чепуренко сам разгребай. Гранин вывез его на строящийся объект под Калиновкой. Съезди туда, проследи, чтобы не напортачили. Устрой жадному мудаку несчастный случай без лишних свидетелей. Понял?

– Сделаю, – скрипнув челюстью, ответил Демид.

Я задохнулась немым криком, прижала ладонь к губам, прикусила зубами, чтобы не завыть в голос. Сделала шаг назад. Еще один и попятилась к двери. Стильное дизайнерское платье вдруг стало тяжелым, как бронежилет. В горле пересохло, а в животе появилось тянущее чувство, которое я списывала на нервы из-за нагрузки в универе, хотя задержка уже перевалила за критичные рамки.

В моей сумочке лежал купленный неделю назад тест на беременность, распакованный, но так и не использованный. Я каждый день говорила себе, что сделаю это «потом». Вечером, завтра утром, после экзамена. Когда угодно, только не сейчас.

Теперь стало ясно, почему я тянула. Подсознательный страх увидеть две полоски и интуитивное понимание того, что Демида эта новость отнюдь не обрадует. А исходя из всего, что я только что услышала, его отец и будущий тесть с преогромным удовольствием переведут меня из статуса «девочки, которую нужно пристроить» в категорию биологического мусора, подлежащего устранению.

Я тихо приоткрыла дверь, а потом развернулась и понеслась к лифтам.

С собой у меня были только документы, немного наличности… и все. Одежда и другие личные вещи остались в квартире Чернова. Из общаги я все вывезла подчистую, как только Демид предложил мне съехаться.

Идиотка!

Думала, у нас любовь. Всерьез и надолго. Ну и пусть он никогда не говорил, что любит. Слова ведь не главное, поступки говорят куда больше. Он же столько для меня делал…

Дура. Наивная, доверчивая дура.

Что особенного он сделал?

Содержал? Так ему это ничего не стоило. Если верить тому, что о нем болтали, он и с одноразовыми подстилками не скупился, а тебе платил за постоянство и то, что «была под рукой» в любой момент, когда прихотнулось присунуть.

Активно трахал? А ты уверена, что только тебя, или секретаршам в офисе тоже перепадало, несмотря на «неудобство»?

Знаешь, как это называется?

Ты обычная шлюха, дорогуша. Удобная, покладистая и на все согласная.

Пока лифт медленно полз вниз, меня колотило в агонии. Крутило, ломало и пережевывало. Выбежала на улицу и меня вывернуло прямо на идеально подстриженный газон. Осколками сердца и разбитых иллюзий. Немного отпустило только в вагоне метро.

Под равнодушный монотонный стук колес я вдруг отчетливо поняла, что возвращаться нельзя. Надеяться, что Демид вступиться за меня нельзя. Верить в то, что мне позволят тихо уехать тоже нельзя.

Можно только бежать. Как можно дальше из этого прогнившего города, от этих опасных людей и своих чувств, которые безжалостно растоптали и смешали с грязью.

Глава 1

У Черновых был свой мир, замкнутый, как террариум.

Снаружи все выглядело прилично и даже респектабельно: группа компаний с логистикой, строительным бизнесом, крупной охранной фирмой и сетью солидных ресторанов и статусных клубов. Лощеные директора с презентациями и толстыми папками годовых отчетов, интервью для деловых журналов, благотворительные вечера под вспышки камер. В таком мире Демид был не преступником, а «успешным молодым бизнесменом», на которого равняются.

Но стоило приоткрыть крышку этого террариума, и картинка менялась.

Внутри оставалась все та же мафия девяностых, только в дорогих костюмах и с личными водителями. Склады, порт, «серый» импорт и контрабандные партии товара, обнал, мелкий и средний бизнес под их контролем, люди, которые исчезали из повестки дня тихо и навсегда. Проблемы там не решали, их убирали, прежде чем кто-то успевал написать заявление. У Черновых это называлось «навести порядок».

Сафроновы были вторым крылом этой конструкции. Партнеры и союзники. Они играли в больших девелоперов: земля, разрешения, стройки, торговые центры, промзоны. Сафроновы брали участок, Черновы обеспечивали оформление и безопасность. Если в городе что-то строилось, открывалось, внезапно меняло владельца или чудом проходило все проверки, почти всегда за этим стояли две фамилии – Черновы и Сафроновы.

Все шесть месяцев, проведенные с Демидом под одной крышей, я старалась делать вид, что не замечаю, кто они такие на самом деле.

Проще верить новостным лентам и красивым костюмам, листать статьи про «успешный холдинг», смотреть сюжеты, где Олег Чернов жмет руки чиновникам, и убеждать себя, что все это про бизнес и инвестиции, чем в то, что рядом с тобой живут люди, для которых чья-то жизнь расходный материал.

Проще закрывать глаза на странные звонки ночами, на вооруженную охрану, напоминающую сериальную «братву», чем признать, что вляпалась туда, откуда живыми обычно не уходят.

Мне по чистой случайности удалось. Если бы меня тогда заметили, или Демид спохватился немного раньше и пустил по моему следу своих ищеек, все могло бы закончиться куда плачевнее. Я услышала то, что не должна, а за такое в их мире убивают, не оставляя следов.

Не знаю, чтобы со мной сделал Демид, и не хочу даже предполагать. Иногда, по ночам, я прокручиваю в голове варианты: вот он звонит, не дозванивается, просматривает камеры, видит, как я вылетаю из подъезда…

Дальше черный автомобиль у метро, знакомое лицо в толпе, крепкая рука на локте, вежливая улыбка и спокойная фраза: «Ты куда-то собралась, Лина?»

В глубине души мне до сих пор хочется верить, что устраивать мне «несчастный случай» он бы не стал. Но кто-то из людей старшего Черного и Сафронова мог сделать это и за него.

Рисковать и испытывать судьбу было глупо. Пришлось действовать. Спонтанно и быстро, полностью полагаясь только на везение и собственные силы. Где-то на фоне этого адреналина тянуло низ живота, мутило от запахов и от тревожных мыслей. Бежать одной было страшно. Бежать, понимая, что, возможно, внутри тебя зародилась новая жизнь, вдвойне.

Я не боялась трудностей, голода или нищеты. Не боялась остаться без поддержки и крыши над головой. Начинать с нуля мне не привыкать. В детском доме меня научили выживать и не жаловаться на судьбу. Там ты быстро понимаешь, что никто никому ничего не дол-

жен, и за все в этой жизни приходиться платить, а если платить нечем, то выбивать, выгрызать зубами, но не сдаваться. Никогда не сдаваться.

Я понимала, что у меня есть максимум три-четыре часа форы. После Демид начнет звонить. И мне, и водителю, а дальше начнет искать. Значит, к этому моменту меня уже не должно быть в городе.

Телефон я сдала в переходе, в одной из сомнительных будок, где за наличные скупают все, от цепочек до гаджетов. Демид любил дарить дорогие игрушки, и на этот раз его щедрость сыграла мне на руку. За новенький смартфон я выручила неплохую сумму, добавив ее к тем деньгам, что лежали в сумочке. Не ахти какой капитал, но на первое время в какой-нибудь захудалой провинции должно хватить.

Я держала в руках эти купюры и думала только об одном, если тест покажет две полоски, это будут наши с ребенком первые деньги. На проезд, на крышу над головой, на шанс. Мысли о Демиде упорно гнала прочь, но знала, что они вернуться… Все равно вернуться, как только эта гонка закончиться и уляжется адреналин.

SIM-карту вытащила заранее и разломала на части, выбросив в ближайшую урну. Без телефона жить было страшно, но с ним гораздо опаснее. Даже без симки мобильник можно отследить, а у Черновых с правильными людьми в нужных службах проблем никогда не было.

Я выбирала самые простые и шумные маршруты. Поезда дальнего следования с именными билетами отмела сразу. Междугородние автобусы то, что нужно. Наличные принимают, паспорт не спрашивают, никому нет дела, как тебя зовут и куда ты едешь.

В здании автовокзала я долго топталась перед табло, смотрела на расстояния. Чем дальше и меньше город, тем лучше. В итоге взяла билет туда, где я ни разу не была, обычный областной центр, таких по стране десятки.

В очереди за хот-догом меня накрыло волной тошноты. Я вцепилась пальцами в край прилавка и впервые честно призналась себе, что это не только нервы.

Жилье на новом месте нашлось быстрее, чем я ожидала. В старой части города, в доме с облезлой штукатуркой и вонючим подъездом. Комнату мне сдала приятная одинокая старушка за смешные деньги. Я внесла оплату вперед на три месяца. Договор на аренду написали от руки, разумеется, все неофициально. В мой паспорт она едва взглянула, лишних вопросов не задавала, хотя наверняка заметила, что заселяюсь я без вещей.

Мне повезло. Хозяйке квартиры нужен был тихий ответственный человек, а мне угол, где обо мне никто ничего не знает.

Комната почти один в один напоминала мою из общаги. Из мебели скрипучая кровать, стол, шкаф и совдеповский ковер на стене. После двухуровневой квартиры с панорамными окнами мои новые «хоромы» выглядели как издевка, но я вздохнула с облегчением. Это моя территория, до которой не дотянуться руки Черновых.

Ночью, когда старушка захрапела за стеной, я наконец-то достала из сумки смятую упаковку с тестом, закрылась в крошечной ванной и, сидя на холодной крышке унитаза, уставилась на две проявляющиеся полоски.

Я сидела, обхватив себя за плечи, и слушала, как где-то за окном капает вода из ржавого водостока. В голове стучало одно: *я ушла вовремя*. Если бы осталась, решали бы уже не только мою судьбу.

Работу тоже нашла быстро. Неофициально, за наличку. Первый месяц торговала на рынке в овощном ларьке, потом устроилась продавцом в маленький хозяйственный магазинчик рядом с домом.

Платили мало, но без задержек. График два через два по десять часов. Ничего сложного, никакой нервотрепки. Покупателей немного, ассортимент простой, люди доброжелательные. Этого было достаточно. Чем незаметнее я жила, тем спокойнее дышалось.

Я приходила домой, падала на скрипучую кровать, клала руку на живот и повторяла как мантру: «Мы справимся».

Сменить город, найти жилье и устроиться на работу оказалось проще, чем забыть последние слова Демида, сказанные тем отстраненным тоном, которым он обсуждал сделки и «проблемы».

«Через две недели тут никого не будет.»

«У нас ничего серьезного. Держал ее под рукой, чтобы не тратить время на шлюх.»

«В офисе секретарш драть не всегда удобно.»

Эти фразы въелись в память, как кислотой прожгли. От них я бежала сильнее всего, от той версии себя, которая верила, что все это про любовь.

Только от реальности не убежишь, как ни старайся.

Даже когда проходит время, и ты начинаешь потихоньку привыкать к черно-серой действительности, новому маршруту на работу, к запаху чужого подъезда и треску старой батареи по ночам, непрошенные воспоминания все равно накрывают волной, оглушая вселенской тоской и морозным страхом неизвестности. Осколки сердца царапают грудь, соленая влага опаляет веки, боль рвет душу на крошечные лоскутки.

В такие горькие минуты я цеплялась не за мечты и иллюзии, а находила утешение в том, что носила в себе. Захлебываясь слезами, я гладила ладонями живот и обещала малышу, что больше никогда не буду плакать. Стану сильной ради него и не опущу руки, даже если станет совсем тяжко. Я клялась, что дам ему лучшую жизнь, чем та, что когда-то была у меня. Не сломаюсь, не подведу.

А потом начинался новый день и на тоску и жалость к себе не оставалось ни времени, ни сил.

Я жила по инерции. Работала, экономила, считала дни до предполагаемого срока, вычеркивала их в настенном календаре. Токсикоз накатывал по утрам, голова кружилась чаще обычного, но внешне я почти не изменилась. Разве что немного скинула вместо того, чтобы набрать, как полагается беременным.

Слишком много всего на меня свалилось, психика расшатана, нервы на пределе. Откуда тут взяться здоровому аппетиту?

Головой я прекрасно понимала, что пора становиться на учет в женскую консультацию, сдавать анализы, проходить обследования, соблюдать назначения врачей. Каждое промедление риск, и не только для меня.

Но сразу вслед за этой мыслью поднималась другая, липкая и паническая: любая карточка и запись в базе, след. И тут же включалась следующая волна тревоги, уже совсем приземленная. Жилье и работу в любом случае придется менять. В эту комнату с ребенком бабулька меня не пустит, да и условий там подходящих для ребенка нет. В магазине я устроена неофициально, никаких декретных и подушки безопасности.

На какие средства существовать? Где жить?

До предполагаемых родов оставалось чуть меньше полугода, а ощущение такое, будто времени нет совсем.

С такими упаднническими мыслями я и шла в тот день домой после отработанной смены. Ноги ныли от усталости, к горлу подкатывала голодная тошнота. Я свернула к газетному киоску, хотела купить блокнот, чтобы записывать расходы. Машинально мазнула взглядом по витрине и замерла…

Грудную клетку сдавило. Сердце пропустило удар, в потом пустилось в галоп.

Я увидела его сразу.

Глянцевый журнал, броская верстка, пестрые цвета. На обложке красовался Демид в безупречном темном костюме, с тем самым хитрым прищуром и дерзким вызовом в блядских синих глазах. Рядом к его плечу прижималась гламурная блондинка в белоснежном платье.

На заднем плане размытая арка из живых цветов, кусочек голубого неба и силуэты статусных гостей. Оба смеются широко и беззаботно, как в рекламе счастливой семьи.

А внизу через всю обложку кричащая надпись:

«Свадьба года: сын олигарха Олега Чернова повел к алтарю дочь строительного магната Сафронова»

Воздух стал густым, как кисель. В груди что-то сжалось, а в животе наоборот вспыхнуло, дрогнуло, словно малыш протестовал вместе со мной. Кислая желчь подкатила к горлу, перекрывая доступ к кислороду, и перед глазами за секунду потемнело. Раздирающая боль захлестнула с головой, обожгла внутренности.

Пошатнувшись, как щепка на ветру, я отвернулась от киоска, сделала пару шагов вслепую и зацепилась носком ботинка за бордюр. Душа умирала в муках, а слезы ручьями стекали по щекам. Улица, прохожие, автомобили, все смешалось в какой-то бесформенный фон, запирая меня внутри удушающего вакуума.

Только бы не упасть… Не отключится. Не рухнуть в грязную лужу, под ноги людям.

Снова повело в сторону, колени подогнулись, но чья-то рука вовремя перехватила меня за локоть.

– Осторожно, – обеспокоенный мужской голос прозвучал совсем рядом. – Вам плохо?

Я моргнула, пытаясь сфокусироваться. Мутная дымка нехотя отступила. Передо мной стоял высокий симпатичный парень в черном пальто, с шарфом вокруг шеи и кожаной папкой подмышкой. Короткие светло-русые волосы ерошил ветер. Теплые светло-карие глаза внимательно всматривались в мое лицо.

– Все нормально, – через силу выдавила я, тыльной стороной ладони смахивая слезы. – Просто… голова закружилась.

– Ага, вижу, как «нормально», – он чуть крепче обхватил мой локоть, взглянул куда-то поверх моего плеча. – Тут недалеко скамейка. Пойдемте, я провожу.

Мы медленно дошли до лавки. Я почти не чувствовала своих ног, кожу щек стянуло от подсохшей соли. Во рту ощущался привкус крови, прикушенная изнутри губа неприятно саднила. Моросящий дождь остужал пылающее лицо, проясняя затянутые агонией мысли.

Я с трудом опустилась на скамейку, стараясь дышать медленно и глубоко. Сердце стучало где-то в горле, перед глазами все еще плавали фрагменты журнальной обложки: белое платье, темный костюм, самодовольная улыбка Демида и броская красота его жены. Жены…

– Давление упало? – спокойно уточнил мой случайный спаситель. Карамельные глаза излучали искреннюю тревогу.

Молодой, не старше двадцати пяти, – машинально отметила про себя.

– Бывает, – буркнула я. – Не ела толком, устала. И… – запнулась, потому что не собиралась рассказывать незнакомому человеку, что мое сердце в очередной раз провернули через мясорубку и раскатали катком. – И лишнюю картинку увидела.

Он проследил направление моего взгляда к киоску, на секунду задержался на журнале, но ни о чем не спросил.

– Давай так, – сказал он после короткой паузы, резко переходя на «ты». – Я сейчас отведу тебя в ближайшее кафе. Ты выпьешь сладкий чай, что-нибудь съешь, и только потом решишь, хочешь ли падать в обморок дальше или нет.

– В больницу я не поеду, – выстрелила раньше, чем включила рациональный фильтр.

Он удивленно вскинул бровь, но спорить не стал.

– Хорошо, – кивнув одарил меня мягкой улыбкой. – Обойдемся без больницы. Кафе же не вызывает аллергии?

Логически было проще отмахнуться и уйти, но эмоционально я была на грани. От голода, недосыпа и того, что вся моя предыдущая жизнь только что насмешливо ухмыльнулась мне с глянцевой обложки, как чужая сказка.

Я согласилась.

В кафе было тепло, пахло кофе и горячей выпечкой. Желудок громко заурчал, требуя как можно скорее чем-нибудь его наполнить. Меня усадили за столик у окна. Незнакомец заказал две кружки чая с лимоном и куриный бульон.

– Вам что-нибудь еще? – вежливо спросила официантка.

– Нет, спасибо, – тихо ответила я, зябко кутаясь в куртку. Нервный озноб не отпускал.

Мы молча дождались заказ. Первую ложку бульона я проглотила с кое-как, но через пару минут тело вспомнило, что такое еда, и стало чуть легче.

– Спасибо, – сказала я, когда тарелка уже наполовину опустела.

– Игорь, – представился он. – Игорь Лапин.

– Алина, – отозвалась я.

– Очень рад, что ты еще в сознании, Алина, – мягко продолжил Игорь. – Но сама понимаешь, что так себя загонять… не лучшая стратегия.

Я пожала плечами. Объяснять, что самая плохая стратегия в моей жизни – это глупая влюбленность в «принца» из криминальной семьи, не хотелось.

– Я справлюсь, – напряженно сказала я. – Всегда справляюсь.

– Верю, – он чуть наклонил голову. – Просто иногда полезно, чтобы рядом был кто-то, пока ты справляешься.

Мы говорили о всякой ерунде. О работе – его и моей. Он вскользь упомянул строительную фирму, где ведет бухгалтерию, и вечный дурдом с отчетами и проверками. Я сказала, что работаю в магазине, и это, по крайней мере, честно и просто. Он не лез с расспросами, казался приятным и безобидным. Хороший порядочный человек. Другой бы просто прошел мимо.

Когда мы покинули кафе, на улице было темно. Мелкий промозглый дождь закончился, осенний резкий ветер затих. В свете желтых фонарей город стал немного теплее и уютнее.

– Далеко живешь? – непринужденно спросил Игорь.

– Тут рядом, – ответила я, махнув в сторону своей улицы. – Пять минут пешком.

– Тогда я провожу тебя до подъезда и отпущу с миром, – обаятельно улыбнулся он. – Чисто, чтобы убедиться, что не свернешь где-нибудь по пути и не надумаешь снова упасть.

У подъезда он остановился, порылся в кармане и достал сложенный пополам листок.

– Это мой номер, – Игорь протянул бумажку.

Я в недоумении уставилась на него. Кто в наше время оставляет свой телефон на салфетке? Официантки в кафе? Может быть, но я никогда подобным не промышляла.

– Написал еще в кафе, но постеснялся отдать, – пояснил он. – Ты выглядела такой…

– Несчастной? – жалко ухмыльнулась я.

– Неприступной, – поправил Игорь. – Если станет совсем плохо позвони. Я не врач, но вызову такси или скорую. Или принесу еще бульон.

– Я не люблю быть кому-то обязанной, – честно сказала я.

– Тогда считай это авансом, – Игорь развел руками. – Позвони мне, Алина. Я буду ждать.

Глава 2

Пять лет спустя

– Темыч, давай доедай быстрее, и поедем, – Игорь потрепал сына по темной макушке и, привычно клюнув меня в щеку, пошел в прихожую.

Из кухни я наблюдала, как он быстро обувается, накидывает пиджак и выходит из квартиры. Машинально убрала за уха темную прядь, и перевела взгляд на Артемку, вяло ковыряющему свой омлет.

Свои от природы пшеничные волосы я перекрасила в темный шоколад, как только закончила грудное вскармливание. Хотелось смотреть в зеркало и видеть другую девушку, не ту наивную блондинку из прошлого. Игорь был против таких кардинальных перемен, но со временем смирился и привык к моему новому образу.

– Мам, мне обязательно ходить в садик? – тоскливо вздохнул Артем, подняв на меня грустные синие глаза.

– Конечно, – кивнула, отставив в сторону кружку с кофе. – Там же весело. Много ребят, прогулки, игры…

– Скучно, – протянул сынок. – Все галдят, шумят, а Ирина Сергеевна ругается и не дает мне собирать лего. Она злая, мам, а ребята глупые.

– А ты, значит, самый умный? – я вскинула бровь.

– Ага. И конструктор у них старый, я его уже сто раз перебрал.

– Тем, Ирина Сергеевна занимается с вами по специальной программе. Так нужно, понимаешь?

– Неа, – он упрямо мотнул головой. – Кому нужно?

– Для твоего общего развития.

– Я разве похож на отсталого? – обиженно засопел Артем.

– Нет, ты у меня лучше всех, – рассмеялась я, погладив сына по волосам. – Все, беги. Папа заждался уже. Ему еще на работу надо успеть.

– Вот всегда так! Говоришь одно, а делаешь другое. – поджав губы, сынок слез с табурета и нехотя потопал в прихожую.

Я пошла за ним. Прислонилась к стене, наблюдая, как Артемка аккуратно завязывает шнурки на кроссовках. Маленький, но такой взрослый и рассудительный. Счастье мое синеглазое. Выстраданное, любимое и теплое, словно солнышко.

– Тебе вечером в бассейн, помнишь? – мягко спросила я, подавая сыну кофточку.

– Угу, – хмуро буркнул он. – Еще одно бесполезное занятие.

– Тебе же нравилось плавать, – напомнила я.

– Вот именно – плавать, а не выполнять всякие дурацкие упражнения.

Я тихо рассмеялась и взяв сына за руку, вывела его из подъезда. Помахала рукой, глядя, как Игорь усаживает его в детское кресло, фиксирует ремни. Закрыв заднюю дверь, муж обернулся и взглянул на меня.

– Я сегодня задержусь, Алин. Инвесторы из столицы приезжают со своими аудиторами. Отчеты будут смотреть, – он виновато взглянул, одернув строгий пиджак.

Я невольно залюбовалась. Красивый у меня муж и деловой стиль ему очень идет.

– Без главбуха никак не справятся?

– Никак. Если что-то не сойдется, первым спросят с меня. – с досадой поморщился Игорь. – Прости, Алин, не получится Темыча в бассейн отвезти. Такси возьмите, ладно?

– На маршрутке доедем, – отмахнулась я. – Вот еще, деньги на такси тратить.

– Брось ты эти привычки. У нас же все стабильно с финансами.

– Ты ведь бухгалтер, Игорь. Сам знаешь, что деньги счет любят, – беззлобно пожурила я, приблизившись к мужу.

Он мягко привлек меня к себе, и поцеловал в губы. Нежно и страстно, чувственно скользнув языком в мой рот. Я прикрыла глаза от удовольствия, низ живота налился сладким теплом. Просунув руки под его пиджак, я прошлась ладонями по мускулистой спине, непроизвольно прижимаясь ближе.

– Тебе бы на экономиста выучится, Алин. – оторвавшись от моих губ, серьезно сказал он. – У нас в компании расширение планируется. Должность для тебя выбью. Не думаю, что работа в ногтевом сервисе предел твоих желаний. Ты способна на большее.

В потемневших карих глазах тлело возбуждение, но разум уже вовсю работал. Мне нравились его сдержанность и способность контролировать свои инстинкты. Это выгодно отличало Игоря от… От того, кто был до него.

– Я подумаю, – кивнув, отступила назад. – Ладно, езжайте, а то опоздаете.

Когда серебристый подержанный Форд выехал из двора, я автоматически задержала взгляд на черном внедорожнике, припарковавшемся возле дома напротив. Сердце тревожно екнуло, по спине пробежала холодная дрожь. Призраки прошлого никуда не исчезли, терзали по ночам, оживали жуткими образами днем. После стольких лет я все еще боялась, что моя размеренная тихая жизнь может рухнуть в один момент.

Нет, я не думала, что Демид все еще разыскивает меня, иначе давно бы нашел. С его-то возможностями. Скорее всего, он и думать обо мне забыл. Бизнес, жена, две маленькие дочки погодки. Кто я такая, в конце концов? Девочка для секса, с которой он прожил полгода. У него не было никаких доказательств, что я слышала тот разговор. Только домыслы и предположения. Возможно, он, вообще, вздохнул с облегчением, когда я внезапно исчезла. В обратном случае ему пришлось бы «разбираться». А так… очень удобно вышло. Проблема самоустранилась и черт с ней.

Но инстинктивный страх не хотел отпускать, и мысли в голову лезли самые разные. Никогда не забуду, как сильно тряслась, когда мы с Игорем подавали документ в местный ЗАГС, боялась «засветиться», и потом целую неделю жила, как на иголках. Вздрагивала от каждого звонка в дверь, шарахалась от всех автомобилей со столичными номерами, с ужасом смотрела на парней, по типажу напоминающих Чернова.

После росписи немного успокоилась, встала на учет с уже новой фамилией. На пятом месяце беременности. Слава богу обследование не выявило никаких патологий, иначе я бы себя не простила.

Когда УЗИ показало, что будет мальчик, Игорь так искренне радовался, словно сын и правда его. Он был тогда вместе со мной в кабинете, бережно держал за руку и со счастливой улыбкой смотрел на экран.

А я расплакалась… от благодарности, облегчения и чувства вины, что царапало изнутри. Мы же оба понимали, что я вышла за него не по большой и чистой любви, но Игорь ни словом, ни взглядом ни тогда, ни до сих пор ни разу не напомнил, почему мы, вообще, решили расписаться.

Все произошло стремительно, спонтанно, и, наверное, судьбоносно.

После первой встречи я Игорю не позвонила, и даже не собиралась. Меня тогда совсем другое волновало, и новые отношения не входили в список моих первостепенных планов. Самой бы выжить и ребенка поднять. Какие уж тут парни и свидания.

Игорь сам меня нашел.

Точнее случайно наткнулся на том же участке дороги, где мы познакомились. Снова позвал в кафе, приправив приглашение искрометным юмором и обворожительной теплой улыбкой. Я отнекивалась, ссылаясь на усталость и домашние дела. В итоге он просто проводил

меня до подъезда, по пути развлекая разговорами. А на следующий день встретил с работы и опять проводил.

Он не давил, не навязывался. Казался интеллигентным и деликатным. Образованный, воспитанный, самостоятельный, целеустремленный и по-мужски привлекательный, но при всем этом такой же одинокий, как и я.

Поздний и единственный ребенок в семье, Игорь рано лишился родителей. Когда ему было двадцать – ушла мама, а через два года отец. Последние три года он жил один в трешке на соседней улице, загружал себя работой, курсами повышения квалификации, в свободное время занимался спортом и встречался с друзьями. С постоянной девушкой расстался полгода назад, а в меня, по его словам, влюбился с первого взгляда.

Не буду скрывать, мне льстили его непринужденные ухаживания. И сам он мне очень нравился. На контрасте с Демидом Черновым, Игорь сильно выигрывал. Открытый, понятный, приземленный, напрочь лишенный грубости и наглой самонадеянности.

Если бы мы встретились раньше, все могло сложиться иначе.

Но проблема состояла в том, что я при всем желании не могла ответить на его чувства, о чем честно призналась, когда Игорь предложил мне встречаться на постоянной основе.

Он выглядел таким убитым моим отказом, что я не выдержала и рассказала, что ушла от парня, от которого жду ребенка. Что он и его семья связаны с серьезным криминалом, и, как только я об этом узнала, убежала в другой город. А теперь живу в страхе, что он меня найдет.

Имен я не называла и про то, что отец ребенка благополучно женился, тоже умолчала. Не хотела, чтобы меня жалели. Жалость – нехорошее чувство, унизительное, стыдное.

Я ожидала, что, узнав о ребенке, Игорь быстро сольется, но вышло иначе. Он как-то даже обрадовался и воспрял духом.

– Ну, слава богу, а я уж решил, что у тебя кто-то есть, – выдохнул он тогда.

Я посмотрела на него, как на умалишенного.

– Конечно, есть, – ответила я, приложив ладони к животу. – И уже не рассосется.

– Супер, – Игорь улыбнулся и пожал плечами. – Значит, будем воспитывать. Как тебе моя фамилия? Алина Лапина вроде бы неплохо звучит.

Я оторопела, не в состоянии выдавить ни слова. Не знала, как реагировать на его слова, не улавливала суть. А вдруг шутит?

– Замуж за меня пойдешь? – спросил он серьезным тоном, и не дождавшись ответа, конструктивно добавил: – Ребенку нужен отец и полноценная семья, а тебе надежный и любящий мужчина. Я именно такой. Соглашайся, Алин.

– Мы же и месяца не знакомы, – растерянно пробормотала я, не зная куда себя деть от смущения.

– Боюсь, если еще хоть месяц подождем, ты и от меня сбежишь, а я этого не хочу, – прямолинейно заявил Игорь. – Думаю о тебе и день и ночь, Алин. Как с ума сошел. Никогда ни к кому ничего подобного не испытывал. Красивая ты, просто очуметь, словно светишься изнутри. Нежная, скромная и сильная очень. Не видел раньше таких, если упущу, никогда себя не прощу.

Вспыхнув, я машинально поправила волосы. Про мою красоту мне и Чернов часто заливал, но, разумеется, совсем другими выражениями. Пошлыми, грубыми, неизменно перетекающими в горизонтальную плоскость.

«*Ебательная ты кукла, Линка. Волосы, лицо, фигурка – полный улет. Трахать тебя и трахать. Я когда первый раз в твои голубые глазищи глянул, неделю со стояком мучался.*» – это Дема мне вывез после того, как девственности лишил. Остальные комплименты были еще хлеще, но я почему-то млела и таяла от его похабных слов, словно он мне стихи Шекспира читал.

Вытравив бывшего из мыслей, посмотрела в напряженное лицо Игоря. Он терпеливо ждал ответа. В глазах сияли надежда и обожание. К моему горлу подкатил комок, глаза защипало. Чертовы гормоны.

– А как же… – я сбилась и снова прижала руку к животу.

– Это будет наш с тобой ребенок, – спокойно произнес Игорь. – И мне все равно, кто его биологический отец. Буду любить, как своего.

Мое сердце дрогнуло, так трогательно и искренне он это сказал. Как можно было ему отказать? Особенно в моем почти безвыходном положении.

Конечно же, я согласилась. И ни разу не пожалела о принятом решении. Самым правильным за все мои девятнадцать лет.

Вернувшись в квартиру, я быстро прибралась на кухне, закинула тарелки в посудомойку, заправила кровати в детской и супружеской спальне. Затем прошлась моющим пылесосом по комнатам, протерла пыль. Первая клиентка у меня только через час, а до салона, где я работаю всего пять минут пешком. Так что время позволяло заняться домашними хлопотами.

Пока занималась бытовыми делами, в голове то и дела мелькали мысли о предложении Игоря о получении высшего образования. Я и сама об этом часто думала, но как-то все откладывала в дальний ящик.

Пока сидела в декрете было не до учебы. Артемка неспокойный родился, болел часто, а когда в садик пошел, соседка надоумила меня пройти курсы на мастера маникюра. На шее у мужа сидеть не хотелось, и я решила попробовать. Получилось, да и рисовать я любила с детства. Учителя даже говорили, что у меня врожденный талант. Вот он и пригодился.

В салоне мне нравилось, работа не пыльная, творческая отчасти, платят хорошо. Клиентки уже все свои, как близкие подружки. Но не всю же жизнь чужие ноготочки красить. В общем, надо серьезно обдумать этот вопрос. Взвесить все, распланировать. Если у мужа в компании намечается расширение, то и его карьера в гору пойдет. Хочешь, не хочешь, а придется соответствовать.

Закончив с уборкой, взялась за себя. Выпрямила волосы плойкой, нанесла легкий макияж, надела легкий летний сарафан, нырнула в балетки и выскочила в душный июльский жар. До салона долетела, как на крыльях. Хорошее настроение не испортили ни отменившаяся в последний момент запись, ни ежегодное повышение аренды рабочего места.

Проводив последнюю клиентку, побежала в садик за Артемкой. Потом вместе с ним помчали на маршрутке в бассейн. Сдав сына тренеру, я скоротала время в спортивном зале, расположенном в том же здании. При сидячей работе без регулярных физических нагрузок не обойтись, если хочешь держать мышцы в тонусе и не заплыть жиром. Последнее мне не грозит – не та конституция, но спина и шея сильно страдают, когда по восемь часов сидишь в одной и той же позе.

Домой возвращались измученные и голодные. В душной маршрутке Тема окончательно сдулся и задремал на моем плече. Так не хотелось его будить на нашей остановке, но никуда не денешься. И на руках не дотащить. Тяжелый стал и ростом вымахал выше всех в группе.

Зря, я все-таки не взяла такси. Игорь прав – проблем с деньгами у нас нет. Оба неплохо зарабатываем, копим на новую машину, дачу в пригороде недавно купили, на море каждый год в отпуск ездим, но старые привычки никуда не делись. Сложно избавляться от прошлых установок, даже если они потеряли актуальность.

От остановки до дома всего три минуты бодрым шагом, но мы плелись все десять. Устали оба так, что еле ноги волокли. Духота стояла страшная, к взмокшей коже липла пыль, над ухом жужжали комары.

– Мам, я тут подумал… Может, мне боксом заняться? – выдал сынок, когда мы уже зашли во двор.

Ничего себе заявочки! Я аж слюной поперхнулась.

– Или каким-нибудь кудо. Я драться научиться хочу, – с недетской серьезностью продолжил Артемка.

– А зачем тебе драться? – спросила, одернув прилипший к ногам подол. Остановилась, заметив, что у сына развязались шнурки. Опустилась на корточки, чтобы завязать.

– Ну как… Тебя защищать, – Тема взглянул на меня, как на несмышленую. – Я же мужчина, мам.

– Правильные мысли, парень, – раздался за спиной низкий мужской голос.

Сначала я решила, что мне померещились знакомые надменные нотки и властный, на грани грубости тон… Задержала дыхание, распахнула глаза, слепо уставившись на расплывающееся лицо сына.

– Неплохо прячешься, Лина.

Миллиарды ледяных игл вонзились в тело.

Я вскинула голову, резко оглянулась через плечо, снизу-вверх скользнув взглядом по массивной фигуре в строгом черном костюме. Посмотрела в жесткое мрачное лицо с брутальной щетиной.

Нервно сглотнула и зажмурилась, а сердце рухнуло в пятки.

Не померещилось.

– Это не то, что ты думаешь… – выпрямившись, сипло пробормотала я, инстинктивно пряча за собой сына.

– Это ровно то, что я думаю, – в темно-сапфировых глазах мелькнуло что-то неукротимо дикое. – Ты украла моего сына. А теперь я заберу и его, и тебя.

Глава 3

Восемь часов назад

Демид

Региональные офисы всегда пахнут одинаково. Растворимый кофе, дешевый освежитель воздуха, бумажная пыль и страх обосраться перед главным инвестором.

Моя новая цель – периферийная строительная компания с громким названием «ГрадСтрой-Плюс», а по сути – небольшая фирма, вцепившаяся в пару вкусных местных подрядов и мечтающая о «столичных инвестициях». Для меня это всего лишь еще один актив, который либо аккуратно встроят в общую связку корпорации «Сафрон Девелопмент» и холдинга отца «СеверПорт Капитал», либо спишут в утиль.

Правда, они об этом пока не знают.

Я приехал из столицы не ради их скромного оборота. Меня интересовала земля под их объектами и доступ к местным разрешениям.

Аудиторы у меня свои, прикормленные и лояльные. Двое – из головного офиса дочерней компании отца – «СеверИнвест Партнерс», где я числюсь генеральным директором и являюсь тем самым «столичным инвестором», прилетевшим «посмотреть отчеты» и, может быть, «добавить финансирование». Плюс женщина из независимой аудиторской конторы, с которой мы давно работаем. Я привез ее, чтобы потом никто не ныл про «ангажированность проверки».

Переговорная «ГрадСтроя» выглядела стандартно: длинный стол, проектор, пластиковые стулья по периметру, чахлый фикус в горшке, переживший три смены руководства. За окном – облезлый фасад соседнего здания и двор, забитый машинами.

Со стороны компании присутствовали трое: директор – плотный мужик лет пятидесяти с натянутой улыбкой, его зам и главный бухгалтер.

Главбух меня и заинтересовал.

Игорь Викторович Лапин.

Высокий, подтянутый, аккуратный до навязчивости. Рубашка идеально выглажена, галстук в тон, папки выстроены ровной колонной. Нервничал, но не истерил. Такой тип либо вывозит все на себе, пока директор режет ленточки на сданных объектах, либо тихо ворует, пока все хлопают.

Мои аудиторы два часа гоняли их по цифрам.

– По объекту на Лесной у вас зависшие авансы, – женщина в очках посмотрела поверх оправы. – Подрядчики закрыты не полностью.

– Два контрагента задерживают акты, – спокойно ответил Лапин. Голос хрипловатый, но без признаков нервозности. – Есть переписка, уведомления. Готов предоставить.

Он говорил четко, по делу. Без «эээ» и «ну как бы». Я слушал вполуха, просматривая отчеты на планшете и сверяясь с тем, что прислали наши аналитики заранее.

Основное я и так знал: дыры у них есть, но не критичные. Местами экономили на всем, местами завышали сметы, местами жались на налогах – классика выживания в провинции. Ничего такого, что не лечится правильной интеграцией в нормальный холдинг.

– Окей, – подвел итог один из моих. – По налогам вопросы есть, но смертного приговора я тут не вижу.

Я отложил планшет.

– Значит так, – перевел взгляд на директора. – В целом картина понятна. До конца недели вы с Игорем Викторовичем готовите полную сверку по объектам, особенно по тем, где задействованы наши вложения. Потом садимся и обсуждаем дальнейшие условия.

Директор тут же закивал, как собачка на приборной панели.

– Конечно, конечно, Демид Олегович, мы все… – он метнулся глазами к главбуху. – Игорь, слышал?

– Да, – коротко кивнул Лапин. – К концу недели будет готово.

– Прекрасно, – я удовлетворенно улыбнулся. – Не хочу превращать наше сотрудничество в войну. Нам выгоднее договориться.

Фраза была из набора «успешный инвестор» – я ее произносил десятки раз на разных переговорах. Люди любили слышать, что с ними хотят договариваться, а не давить.

Мы закончили.

Рукопожатия, обмен дежурными фразами, мои аудиторы первыми вышли в коридор, обсуждая план дальнейших действий. Директор увязался за ними, попутно обещая «все предоставить в лучшем виде».

В переговорной остались мы вдвоем – я и Лапин.

Он быстро собрал все отчеты, аккуратно сложил бумаги в стопку. Люблю аккуратных. С ними проще: если врут, то делают это системно, на чем обычно и прогорают. Если не врут – на них можно опереться.

Я поднялся, прошелся к окну, мельком глянул во двор, а потом повернулся к нему, внимательно всматриваясь в лицо. Спокойный, серьезный, сосредоточенный. На проворовавшегося лизоблюда не похож. У меня на таких глаз наметан.

– Неплохой у вас порядок в цифрах, – заметил я без лишней патетики. – Для региональной компании это редкость.

– Стараемся, – в глазах главбуха мелькнула гордость. Нормальная реакция человека, который реально делает работу, а не только пишет отчеты о проделанной. – Тут без порядка быстро утонешь.

– Верю, – я усмехнулся. – В противном случае я бы сюда не прилетел.

И это тоже было правдой. В дерьмо я не вкладывался, только если есть, что вытащить и куда прикрутить.

– Покажите свой кабинет? – поинтересовался я. – Хочу глянуть, как вы организовали учет. Где живут ваши цифры, так сказать.

Он слегка удивился, но быстро кивнул.

– Да, конечно. Пройдемте.

Мы вышли в коридор, прошли несколько дверей. На одной значилось: *«Главный бухгалтер»*. Лапин открыл, пропуская меня вперед.

Кабинет небольшой, светлый, чистый. Стол, компьютер, шкаф с папками, одинокий кактус на подоконнике. И нормальный воздух без душка переговорной.

И одна деталь, которая по непонятной причине сразу бросилась в глаза.

На столе стояла рамка с фотографией. Обычная, из ближайшего хозмага. Я отметил ее краем взгляда и сел на стул напротив, не подавая вида.

– Скиньте мне, пожалуйста, на почту свою рабочую модель по объектам, – попросил я, пока Лапин включал компьютер. – Мне важно понимать вашу логику.

– Не вопрос, – коротко ответил он. – Сейчас только доступ к базе откроется.

Главбух повернулся к экрану, начал вводить пароль. Я встал, сделал пару шагов, внимательно осматривая кабинет. Подошел ближе к столу. Взгляд снова зацепился за рамку с семейным фото.

Сначала я увидел ребенка.

Мальчишка лет четырех-пяти. Темная макушка, серьезное лицо, на губах только намек на улыбку. Сидит, чуть насупившись, зажатый между матерью и отцом.

Темные волосы, знакомый разрез синих глаз. Слишком знакомый. Регулярно вижу такой же на своих детских фото в родительском доме.

Холодная игла прошла под ребра.

Не гони, Дем. В стране миллионы пацанов с темной волосиками. Не каждый из них твой.

Взгляд переместился на женщину.

И ровная картинка под стеклом пошла трещинами.

Больше не блондинка. Темные, шоколадные волосы мягко обрамляют лицо. Скулы чуть острее, взгляд взрослее, чем я запомнил. Но я бы узнал ее даже по пикселям с камеры видеонаблюдения.

Глаза, которые не перепутать ни с какими другими. Большие, светлые, насыщенно-голубые, с этим упрямым внутренним светом, от которого меня когда-то корежило и ломало. Из-за этих чертовых глаз я вписал официантку в свою жизнь, наплевав на все правила.

Лина.

В горле пересохло, как от плохого алкоголя.

На фото она улыбалась – по-настоящему, расслабленно. Рука Лапина лежала у нее на талии. Мальчишка жался к обоим.

Моя бывшая девочка была в чужой рамке под фамилией Лапина.

Горло скрутило, внутри полыхнуло ядовитой яростью. Это была не истеричная ревность, свойственная мне в двадцать с хвостиком, когда я готов был убивать любой левый взгляд в ее сторону. Это был холодный, тяжелый, осмысленный злой интерес.

Она жива, она не в лесополосе, не в статистике ДТП и не в списке бесхозных трупов. Я несколько месяцев ее искал, мои люди перерыли весь город и прилегающие области. Не нашли…

– Красивая семья, – сказал вслух, настолько буднично, насколько смог. – Сын?

Лапин выглянул из-за компьютера, чуть смутился, но улыбнулся. Подвинул рамку ближе ко мне, будто я еще не все разглядел.

– Да, сын, – в голосе появилась теплая хрипотца. – Артем.

Имя неприятно кольнуло. Мальчишке подошло бы другое. Жестче. Серьезнее. Но дело было не в имени.

Я наклонился, делая вид, что присматриваюсь к фотографии. Расстояние между нами оставалось безопасным, тон – доброжелательным.

– Сколько ему?

– Четыре с половиной, – с отцовской гордостью сообщил Лапин. – В сад ходит, в бассейн, очень смышленый.

Я закрутил в голове даты.

Пять лет назад она исчезла. Сроки ложатся почти встык.

– Давно женаты? – я сделал голос чуть рассеянным, словно просто поддерживаю вежливую беседу.

– Почти пять лет, – ответил он. – Познакомились… довольно странно. Потом как-то быстро все закрутилось.

«Быстро все закрутилось».

Да, я в курсе, насколько быстро у нее все закручивается, если вовремя надавить туда, куда нужно.

– Везет тем, у кого закручивается быстро и правильно, – ухмыльнулся, не меняя выражения лица. – Жена тоже местная?

– Нет, из другого города, – он чуть поморщился. – Говорит, что прошлое оставила там. История тяжелая. Я не лезу.

Не лезет.

Конечно. Обычный нормальный мужик, который решил, что спасает девушку с проблемами. Протягивает ей руку, дает фамилию, дом, спокойствие.

Я ненавидел то, как органично она вписалась в эту картинку.

– Правильный подход, – спокойно заметил я. – Прошлое иногда лучше не трогать.

Он кивнул, не заметив акцента.

– Рад за вас, – максимально доброжелательно добавил я. – Семья – главная опора в жизни.

В его глазах мелькнуло искреннее человеческое «спасибо». Ему льстило, что «столичный инвестор» отметил его бытовое счастье.

– Мы стараемся, – отозвался он. – Не хочется погрязнуть в работе и однажды обнаружить, что дома – пусто.

Я кивнул, глядя на него поверх монитора. Дома у тебя сейчас очень даже непусто, Лапин. Настолько не пусто, что мне придется этим заняться.

– Кстати, – как будто вспомнил я. – По отчетам.

Он тут же напрягся.

– Сегодня мои ребята еще раз все прогонят, но мне нужно, чтобы именно вы, – я сделал акцент. – Подготовили для меня отдельную сводку. По объектам, где задействованы наши деньги, с разбивкой по месяцам, ответственным лицам и всеми контактами. И директора, и ваших подрядчиков.

– Конечно, – кивнул Игорь. – Сделаю.

– И… – я чуть замялся, добавляя легкую «человечность». – Если понадобится помощь с вашим отделом – скажите. Нам такие, как вы, нужны. У вас голова на месте.

Он смутился, но удовлетворение в глазах спрятать не успел.

– Спасибо, – тихо поблагодарил. – Это… неожиданно, честно говоря.

– Привыкайте, – пожал я плечами, разворачиваясь к двери. – Мы сюда не только за активами пришли, но и за людьми.

На этом разговор можно было заканчивать.

Для него – да.

Для меня – нет.

Я вышел из кабинета, оставив Лапина наедине с вычислительной техникой и семейной рамкой. В коридоре меня уже ждал Гранин, прислонившись к стене. Без пиджака, рукава рубашки закатаны, на шее висел немного помятый бейдж посетителя.

– Ну что, как местные строители? – лениво поинтересовался он. – Сильно врут?

– Врут в пределах допустимого, – отрезал я. – Терпимо.

Мы прошли пару шагов по коридору. Я сбавил скорость, пропуская мимо секретаршу с кипой папок.

– Главбух, – бросил на Гранина острый взгляд. – Лапин. Нужна полная пробивка.

Тот моментально подобрался.

– Что смотреть? – уточнил он. – Кредиты, косяки, личное?

– Все, – выплюнул я. – Адрес, семья, на ком женат, девичья фамилия жены, день рождения сына. Круг общения, интересы, скелеты в шкафу.

– Есть зацепка? – прищурился он.

Я мельком обернулся на закрытую дверь кабинета главбуха. Вспомнил рамку, улыбки на фото, мальчишку с темной макушкой и моими глазами.

Зацепка?

Нет. Это не зацепка. Это логичный факт, которому просто не хватает доказательств.

– Есть ощущение. Хочу, чтобы сегодня к вечеру оно превратилось в уверенность. Работай через свои каналы, не светись.

Гранин криво усмехнулся.

– Понял. Принял. Если что всплывет – первым узнаешь.

Я коротко кивнул и пошел дальше по коридору, доставая телефон. На экране всплыло сообщение от Киры: фотография наших девочек – обе в одинаковых платьях, с воздушными шариками, подпись: «Смотри, какие у тебя принцессы».

Я задержал взгляд на фото.

Принцессы. Хорошие, красивые, мои.

Только где-то в этом провинциальном городе есть мальчик с моими глазами и чужим отчеством.

И это меня категорически не устраивало.

Глава 4

Я помню тот вечер до мельчайших деталей. Словно и не было этих стремительно пролетевших лет и бешеной вереницы событий, сменяющих друг друга на сумасшедшей скорости.

Ничего не стерлось, не померкло, не перетасовало детали, как фрагменты мозаики в калейдоскопе.

Я четко помнил каждую секунду, каждое слово, взгляд, каждый жест и скрытый подтекст.

Отец, вальяжно откинувшийся в кресле с выражением вечного недовольства на лице. Потягивая из стакана мой виски за штуку баксов, он кривился так, словно я предложил ему портвейн «три семерки».

Напротив разместился Сафронов. Он давно в завязке, поэтому только курил, лениво выпуская дым и слегка заторможенно растягивая слова. Правый уголок его рта привычно подергивался. Нервный тик или какой-то спазм. Я не вникал, но сколько его помню, эта особенность с ним всегда.

На журнальном столике валялись папки по объекту, цифры, схемы, документы на землю, распределение долей, разрешения на строительство. Обсуждали один крупный, но геморройный проект, который должен был принести кучу бабла.

Сафронов решил повесить весь нервяк на меня в качестве свадебного подарка. Щедро, бля, учитывая, что на тот момент опыт у меня был только в управлении ночными клубами и ЧОПами. Ну и ресторанный бизнес еще. Так, по верхам, без углубления во внутреннюю кухню.

В целом мне не привыкать влезать в новые сферы. И батя рассчитывал, что я потяну. Уж больно сильно я был ему нужен в составе директоров строительной махины Сафронова. И желательно, чтобы закрепился надолго.

Между обсуждениями, совсем не в тему вдруг прозвучало «твоя девочка».

«Реши вопрос, Дем».

«Пристрой ее куда-нибудь».

«Когда Кира вернется, рядом с тобой никого лишнего быть не должно».

Я сжал челюсть и отрезал: «Разберусь», но мысленно вызверился, встал на дыбы.

Не из-за великой любви к Лине, она, вообще, к моим внутренним заебам отношения не имела. Меня вымораживало, что мной командуют, как сопливым пацаном, загоняют в рамки, диктуют условия. С хуя ли, если я свою работу выполняю наравне с этими старыми козлами, явно расслабившими булки в последние год-два.

Потом разговор плавно съехал на другую проблему – Чепуренко. Ставленник мой, сука. Не доглядел, где-то может отвлекся, не проверил лишний раз.

В любом случае – мой косяк. Отец расписал все по фактам, приложил доказательства, озвучил способ устранения проблемы. Никаких вторых шансов для воров и предателей. Рабочая, грязная и для кого-то смертельная рутина.

Выпроводив отца и Сафронова, я сразу погнал на объект. О Лине не думал. Впрочем, и о Кире тоже. Было не до баб. В голове уже крутился маршрут до пункта назначения, схема разговора с Чепуренко и список людей, которых надо дернуть, если что-то пойдет не по плану.

Дальше – Калиновка, недостроенный скелет будущей высотки, выключенные прожекторы, бетонная пыль, обреченный страх в глазах человека, который поздно допер, как по беспределу налажал, и что шансов нет.

Сопли, слезы, мразь трусливая пустил, на жалость пытался давить. Но это уже было после того, как в него силком влили бутылку вискаря, а до этого отпирался, торговался. Дебила кусок. Если тебя на стройку с мешком на башке привезли – считай край, дорога в одну сторону. Назад только в морг.

Я не тупой исполнитель и не убийца, руки о него марать не собирался. Обожранный алкашкой Чепуренко прыгнул сам с верхней площадки недостроенной высотки, пролетел девять этажей и со смачным шлепком рухнул на груду строительного мусора.

Домой вернулся к полуночи, уставший, злой, с головой, забитой всякой херней и с мерзким осадком на душе.

Ожидал увидеть привычную картину: свет на кухне, остывающий ужин, Лина в моей футболке, забравшаяся на столешницу с кружкой чая. И это ее «ты опять не ел весь день», сказанное тоном, который умудрялся одновременно раздражать и успокаивать.

У меня даже ответ всегда был примерно один: «Да, зай, не ел и не трахался целый день. Давай, исправляй.»

И она исправляла, старательно так, с огоньком. Когда нагибал ее над столешницей, стонала так, что уши закладывало и колени тряслись – у меня, блядь, который таких мокрощелок легион перетрахал.

Но квартира неожиданно встретила тишиной.

В кухне чисто, в раковине пусто, на спинке стула аккуратно висит ее домашний кардиган. В ванной открытая косметичка, щетка, полотенце. В спальне постель застелена, как и с утра, на ее тумбочке на том же месте какой-то слащавый бульварный роман. В шкафах идеальный порядок.

Все на своих местах.

Кроме нее.

Я раздраженно поморщился, набрал ее номер.

«Абонент недоступен».

Еще раз.

Тот же результат.

Неприятный холодок прошелся по спине. Я включил ноутбук, открыл доступ к камерам в подъезде.

На записи Алинка появилась в половине шестого вечера, как раз в разгар переговоров с отцом и Сафроновым. Зашла в квартиру буквально на пять-десять минут, а затем выскочила и помчалась к лифтам. Выбежала на улицу и растворилась в черной дыре большого города.

Сначала я бесился, недоумевал, в голову лезло всякое, но ничего умного. Потом стало не до эмоций. Я начал думать, вспоминать, сопоставлять.

Кое-какие выводы напрашивались сами собой, и я реально боялся, что Лина сдуру и обиды наворотит дел и вляпается в какое-нибудь дерьмо, из которого ее потом придется выкапывать.

Не теряя времени, я поднял своих людей. Вокзалы, аэропорты, такси, камеры, больницы, морги. Стандартный набор, когда кого-то надо найти. Тем более, когда ты не уверен, ушел человек сам или в итоге ему «помогли».

Лину не нашли нигде.

Словно кто-то одномоментно выдернул ее из моей жизни и подчистил следы. И подозреваемых у меня было, как минимум, двое.

Отец отмахнулся:

– На хер твоя сучка кому сдалась. Если, жива, сама нарисуется. Нет – минус проблема. У тебя сейчас другие задачи.

Сафронов лишь злорадно хмыкнул:

– Видишь, все само рассосалось. Не пришлось никого пристраивать.

Это их устраивало.

И я какое-то время тоже делал вид, что устраивает. Удобная версия. Для всех. Я ухватился за нее, как за спасательный круг.

Проще сделать вид, что мне плевать, чем признать, что я действительно вкладывался: материально, морально, физически… тратил на нее свое время, деньги, нервные клетки. И что какая-то сирота из общаги умудрилась стать больше, чем очередное теплое тело в койке.

До Алины я ни с кем не жил. Наверное, поэтому старых гандонов так напрягло ее долгосрочное присутствие в моей квартире. Девочка не просто задержалась, она стала оказывать влияние на меня. Так они считали.

Я был не согласен.

Я ее хотел. Это да. Сильно хотел. Адски. До выворота кишок, помутнения рассудка и звона в яйцах. Полгода трахал во всех позах и комбинациях, а ни хера не отпускало. Мало, хотелось еще и еще, насытиться не мог. Секс с другими телками не помогал, только подчеркивал разницу. Это как после изысканного блюда собачьих консервов нажраться.

Хотя, хер его знает, может это и есть влияние.

Если с этой позиции посмотреть, то перемкнуло меня на ней знатно. Рвать пришлось бы жестко, по-живому, и не факт, что я так просто бы ее отпустил.

План «пристроить» и периодически навещать мне нравился больше.

Алина бы его, разумеется, не оценила, но, если подобрать правильные аргументы и подать под правильным соусом – никуда бы не делась. Любила сильно и смотрела так, что под ребрами зудело.

Поэтому не вязалось у меня, что сама ушла. Ни смс, ни звонка, ни гребаной прощальной записки.

Где-то через полтора месяца я перестал ставить задачи по ее поиску. Официально. Неформально еще пару недель мои люди присылали отчеты: «ложная тревога», «пусто», «не засветилась».

Потом поток информационного шума смыло другими делами. Новыми объектами, переговорами, рутинными задачами, которые никто кроме меня делать не умел.

Затем мы с Кирой расписались. Сделка, заключенная по всем правилам: два клана, один город, общее влияние. Роскошная свадьба, глянцевые фотографии, громкие тосты за «счастье молодых».

Грандиозное событие происходило в Сочи. Выездная церемония, куча прессы, звездный ведущий, три сотни влиятельных гостей, свадебный торт с человеческий рост и салют под самый занавес.

Моя красавица жена ликовала, любовалась собой, отрывалась от души и, казалось, была по-настоящему счастлива. А я наблюдал за происходящим словно со стороны, как за нелепым маскарадом, который никак не хотел кончаться. И повторял про себя одну и ту же мантру: «Забей, Дем. Выдохни, ты ничего не потерял».

Но я знал, что внутри осталось пустое место, которое бесило одним фактом существования.

Годы легли поверх этой мантры, как бетонная стяжка. Лина превратилась в раздражающий глюк памяти, который иногда всплывал по ночам и тут же заглушался работой или сексом. Иногда с женой, иногда нет.

Кира никогда не требовала верности, но просила соблюдать осторожность и не светиться. Сама не изменяла, была идеальной спутницей на мероприятии любого уровня, вела минимальную светскую жизнь и всю себя посвящала воспитанию наших маленьких принцесс и созданию уюта в недавно отстроенном особняке.

Меня такое положение дел более чем устраивало. Кира тоже не жаловалась. Девочки росли активными и счастливыми. Бизнес пер в гору и почти полностью перешел на легальные рельсы.

Но сегодня все то, что я так методично, годами, заливал бетоном, дало широкую трещину, низвергнув меня туда, где мне казалось, не осталось ничего, кроме руин, пепла и размытых воспоминаний.

Это чертова рамка с семейным фото вытряхнула наизнанку, намертво впечаталась в башку, опалила внутренности ядовитой яростью.

Неважно, как я это назову – гордостью, собственничеством, инстинктом. Факт один: мысль о том, что мой сын растет под чужим отчеством и ходит за руку с чужим «папой», разгорячала кровь сильнее любого крепкого алкоголя.

Отчет от Гранина упал на мою почту через пару часов. Короткий и исчерпывающий.

«Лапин Игорь Викторович, 30 лет…»

Юбиляр, сука. Как и я на четвертый десяток пошел. Местный. Родился, учился и строил карьеру здесь же. Кредитов и судимостей нет, административки по мелочи. В «ГрадСтрой» устроился сразу после универа, который закончил с красным дипломом. Еще и отличник, бля. Вырос до главбуха за три года. Быстрый старт, значит, пробивной. По деньгам, взяткам, откатам – все чисто, максимум серые премии в конверте. Для такого уровня – образцовый.

«Жена – Лапина (урожденная Орлова) Алина Сергеевна, 24 года…»

Фотка из их ЗАГСа, приложенная к выписке, ударила по глазам. Обычное белое платье, свободное, не торжественное. Стоит так, что живот даже при увеличении не рассмотреть. Волосы еще светлые, густые, собранные в простую незамысловатую прическу, добавляющую ей пару-тройку лет.

А вот глаза все те же: голубые, яркие, упрямые. И губы идеальной естественной полноты. Улыбка немного испуганная и взгляд тревожный. Это неожиданно царапает, задевает до нутра.

Меня боялась?

И бежала от меня. Пряталась, заметала следы. Умело так, словно не в первый раз. И ведь знала уже, наверняка, что беременная, дрянь.

Дата регистрации брака аккуратно ложилась в тот промежуток, когда я перестал ее активно искать и успел сыграть собственную свадьбу.

«Место регистрации и фактическое проживание совпадает…»

Старый фонд, обшарпанный район на окраине. Владелец трехкомнатной квартиры – Игорь Лапин, унаследовал хату после смерти родителей. Жена и ребенок прописаны, но жилье полностью на нем. Доли не выделил. Не захотел или просто заморачиваться не стал? Теперь уже неважно.

«Ребенок – Лапин Артем Игоревич… дата рождения…»

Вздрагиваю, получив невидимый, но весьма ощутимый хук под ребра. Сходится… Даже если бы она после моей койки сразу в его прыгнула, по срокам ложится четко в мою пользу, не придраться.

Сжимаю зубы до хруста в скулах, в красках представив, как он с моим сыном в чреве под этого вылизанного ботана подстелилась. Убивать хочется, громить все вокруг.

Что же ты за дрянь такая, Лина? Не покоробило нигде? Ни разу?

Сглотнув горечь, читаю дальше информацию на Артема.

Детский сад, бассейн два раза в неделю, на учете ни у каких врачей не состоит. Обычный здоровый ребенок. И на этом спасибо.

Листаю соцсети Алины. Ни одной семейной фотки, в основном маникюрные дизайны, скидки, акции и расписание свободных мест. Около трех лет работает мастером ногтевого сервиса в салоне недалеко от места постоянной прописки.

Лапин соцсетей не ведет. Немного странно в наше цифровое время, когда каждый рвется рассказать миру, что сожрал на завтрак и под каким кустом помочился. Или ему тоже есть, что скрывать?

Нет, не думаю. Нормальный он мужик без темных делишек и леваков на стороне. Жену любит и сына моего. Видел я, как у него глаза горели, когда на снимок в рамке смотрел. Красивая она, даже с новым цветом волос. Глаза еще ярче кажутся, а кожа светится, как фарфор.

И наощупь, словно бархат, я помню. Чуть переборщишь в сексе – сразу следы проступают. Старался не борщить… но срывался. Было в ней что-то, отчего крышу сносило и тормоза к херам отказывали. Зализывал потом, зацеловывал, дорогие побрякушки покупал, а она, зараза, независимую из себя строила. Выделывалась, на каждый подарок смотрела с такой обидой, будто я ей в лицо харкнул. Дура с тупой, голожопой гордостью.

Злость закипела с новой силой. Я скрипа сжал телефон и пролистал отчет до конца. Затем откинулся на спинку стула и какое-то время просто смотрел в потолок, позволяя ярости выровняться до пригодного для использования состояния.

Гранин позвонил через пару минут.

– Прочитал уже? – коротко спросил он.

– Угу, – буркнул я. – Такой приторной биографии мне еще не попадалось.

– Чистый, как слеза младенца, – усмехнулся Антон. – Семья, работа, никаких скелетов. Прикинь, даже ипотеки нет и ни одного потребительского кредита в истории. А он тебе на какой хер сдался? Мелкая вроде сошка? Не?

На экране всплыло размазанное телефоном фото, приложенное к отчету. Судя по дате, кто-то из парней Гранина сегодня успел заснять. Алина в легком сарафане, с объемной сумкой в одной руке и ребенком за другую. Волосы собраны в хвост на затылке, косметики почти нет. Если не всматриваться и не знать, как она может сиять, так просто и не разглядишь. Улыбается сыну, что-то говорит. Пацан серьезный, задумчивый, челка в глаза лезет.

Симпатичный у тебя мирок, Лина. Тихий, чистый, правильный.

С одной стороны, хотелось пробить кулаком стену. С другой я прекрасно понимал, почему она кинулась на этого Лапина. Уютная гавань, беспроигрышный вариант, стабильный до оскомины на зубах.

Ты уж прости, зай, но мне придется серьезно поработать с некоторыми переменными. Вернуть, так сказать, к истокам.

– Ты уснул там, Дем? Или на бабу засмотрелся? На мордашку смазливая и фигурка на месте, но это же колхоз, Чернов, – хохотнул в трубку Антон.

– Адрес точно проверил? – спросил я, ощутив навязчивое желание вмазать еще и Гранину.

Начинается, блядь… А что будет, когда в глаза ее посмотрю?

– Двор, подъезд, этаж, все указано, – кинул Гранин. – Камер и консьержа нет. Могу организовать наружку.

– Не надо наружку, – оборвал я.

Антон спорить не стал, но вопрос все равно повис. Не объяснять же ему, что делегировать этот момент я не готов. И по весьма весомым причинам.

Я закрыл отчет, убрал телефон в карман пиджака, на секунду прикрыл глаза.

Пять лет назад я сам списал исчезновение Алины Орловой на «самоустранение проблемы».

Пару месяцев поискал – и благополучно забил. Жил себе припеваючи, не горевал, голову пеплом не посыпал. А теперь на тебе – привет из прошлого.

И меня категорически не устраивает, что эта голубоглазая «проблема» живет под чужой фамилией, варит чужому мужику щи-борщи и водит моего сына в бассейн.

– Машину к черному ходу, – тихо бросил я. – Поеду прокачусь.

– Мне с тобой? – тут же отозвался Антон.

– А давай, – согласился после заминки. – Может, и пригодишься.

Глава 5

Алина

– Это ровно то, что я думаю, – в темно-сапфировых глазах мелькнуло что-то неукротимое. – Ты украла моего сына. А теперь я заберу и его, и тебя.

Мир пошатнулся и рухнул, как дешевая декорация. На секунду я и правда решила, что подсознание сыграло со мной злую шутку. Галлюцинация от жары, усталости и бесконечного страха, который живет под кожей на протяжении пяти лет. Сейчас моргну и передо мной будет не он, а обычный мужик из соседнего подъезда.

Но черный силуэт никуда не делся. И запах, тот самый, дорогой, с горьковатой пряной нотой тоже никуда не делся.

Мои пальцы сами вцепились в плечо Артема, сжали так, что он дернулся и недовольно пискнул. Я инстинктивно заслонила сына собой.

Дышать стало трудно, еще сложнее оказалось подобрать слова, чтобы не наговорить лишнего в сердцах. А страх в сильнейшей концентрации, как известно, отключает инстинкт самосохранения и развязывает язык.

От эмоций штормило, но за моей спиной стоял Артем, и он не должен услышать ничего, что нанесло бы ему моральный вред.

– Ты ошибаешься, – хрипло выдавила я, вскинув голову так резко, что потемнело в глазах.

Голос предательски дрогнул и оборвался.

Потом он сделал шаг ближе. Прищурился и насмешливо вскинул бровь, одним жестом воскресив в моей памяти все, что я годами стремилась забыть.

Демид, но возмужавший, заматеревший, набравший еще больше мышечной массы. Уже не тот парень в футболке и рваных джинсах.

Передо мной стоял мужчина, одетый так, как не одеваются в нашем тихом спальном районе: строгий черный костюм, идеально сидящий по мощной фигуре, белоснежная рубашка, дорогие часы на запястье. Щетина чуть длиннее, чем раньше. Лицо резче, жестче. В уголках глаз – тонкие лапки первых морщин.

И взгляд такой, что хотелось упасть на колени.

Мое проклятье и самый страшный ночной кошмар уже здесь.

В маленьком провинциальном городе.

В тихом дворе, где меня знает каждая собака.

Это катастрофа.

Нет, хуже…

– Мам, кто это? – шепотом спросил Артем, дернув меня за руку.

Я вздрогнула, сердце лупануло о ребра.

– Никто, – быстро ответила, даже не повернувшись к сыну. – Иди к подъезду. Сейчас догоню.

– А ты? – с опаской протянул он.

– Артем, – я рявкнула так, что он по-настоящему испугался, и тут же сжалась от чувства вины. – Просто послушайся меня. Подожди пять минут у подъезда. Я быстро.

Я чуть-чуть подтолкнула его вперед. Сын медленно поплелся к подъезду, оглядываясь через плечо.

Я чувствовала его взгляд затылком и не смела обернуться: казалось, стоит мне на секунду отвлечься и Демид протянет руку, перехватит его, просто потому что способен на любую гнусность.

– Ты прятала его, – повторил он тише, но от его слов по коже пошел мороз. – На другую фамилию записала. Лапина… – губы презрительно скривились, – Тебе не идет, Лина.

Слово «прятала» обожгло. Как он смеет что-то требовать и предъявлять?

– Ты не имеешь права, – прошептала я. – Никаких прав. Если тебе что-то померещилось, то это только твои проблемы.

– Правда? – он чуть склонил голову набок, как будто его действительно заинтересовало мое мнение.

Взгляд чертил горизонтальные линии на моем лице, отслеживая каждую эмоцию.

– Тогда объясни, почему у пацана мои глаза, Лина.

Я сглотнула. Сухость во рту стала невыносимой.

«Мои глаза.»

Моего мальчика.

Моего ребенка, ради которого я бежала в никуда и сумела выстроить уютный гармоничный мирок.

Семью. Счастье. Любовь.

У меня все это было!

И есть.

Я не отдам!

– Случайность, – произнесла первое, что пришло в голову. – В мире много людей с синими глазами, Демид. Ты не уникальный экземпляр.

– Ага, – лениво проговорил он.

Его взгляд на секунду смягчился, когда метнулся к Артему, потом снова стал холодным до ледяного хруста.

– Ты приехал сюда… просто чтобы оскорбить меня? – спросила я, злясь на себя за то, что голос все равно дрожит. – Поздравляю. У тебя получилось. Можешь возвращаться в свой золотой аквариум.

– О, – в глазах вспыхнул знакомый опасный блеск. – Ты еще и зубы показывать научилась. Муж постарался?

Ощущение, что он залез внутрь и копается там руками, раздвигая кости и сжимая в кулаке мое сердце.

– Оставь Игоря в покое, – отрезала я, сама удивившись, как ровно это прозвучало. – Он ни при чем.

– Ошибаешься, – спокойно ответил Демид. – Теперь он при чем. Он живет с моей женщиной и воспитывает моего пацана. Так что «при чем», еще как.

«Моей».

«Моего».

Слова врезались в меня, как ядовитые иглы.

Я ненавидела себя за то, что где-то в глубине все еще отзываюсь на это «моей», потому что помню, как это было.

Как он забирал меня из клуба, как встречал у служебного входа, как страстно шептал: *«моя девочка»* таким голосом, что мир схлопывался до его жадных рук.

– Не будь дурой, Алина, – грубо выплюнул Демид, выдернув меня из мыслей. – Ты же понимаешь, что я в два счета обеспечу тебя доказательствами. Давай, не будем тратить время впустую, а как взрослые решим, как быстро ты сядешь в эту тачку, – он кивает на огромный внедорожник, припаркованный прямо на тротуаре. – Вместе с сыном.

– Ты сошел с ума! – пораженно выдохнула я.

– А вот тут ты права, – он криво усмехнулся, проехавшись по мне тяжелым взглядом. Задержался на бурно вздымающейся груди. – Как увидел ваше счастливое семейное фото в кабинете Лапина, так и двинулся головой.

«В кабинете Игоря?» – пронеслась в голове лихорадочная мысль.

Так это он тот инвестор, о котором утром рассказывал муж?

Черт! Черт! Ну почему так…

Несправедливо, глупо, несвоевременно…

Словно для моего личного Армагеддона существует подходящее время.

– Лина, мне не нравится твое молчание.

Чернов сократил расстояние еще на один шаг, буквально разбивая меня на атомы своей подавляющей энергетикой. Демонстративно взглянул на часы.

– Я могу принять отсутствие ответа за отказ. А отказы я не люблю. Хочешь, чтобы твой драгоценный муж заплатил за твое упрямство? Устроить ему отпуск в места не столь отдаленные? Лет так на десять, пятнадцать? Поверь, мне даже напрягаться не придется.

Боже, он ведь не шутит и не пытается запугать.

Он может это устроить…

– Уходи, – прохрипела я, делая шаг назад.

Наткнувшись на крошечный камень, едва не споткнулась.

– У тебя есть жена и две дочери. Бизнес, чертова империя, за которую ты так цеплялся. У тебя есть все, чего ты хотел, Демид. Оставь мне, пожалуйста, хотя бы мое маленькое «ничего».

Он посмотрел удивленно, будто я ляпнула откровенную глупость.

– Это ты решила за меня, чего я хочу, – небрежно, с показным отвращением произнес Демид. – Слилась по-тихому, скрыла залет, легла с моим сыном в брюхе под другого. Считаешь, я должен быть благодарен?

– Я спасала свою жизнь, – выстрелила я, забыв, что мы стоим посреди двора. Забыв, что где-то рядом открывается окно, хлопают двери, соседи выгуливают своих собак. В этот момент весь мир сузился до двух людей.

– И не только свою.

– А ничего, что ваши жизни – это моя зона ответственности, Лина? – он сделал еще один шаг. Между нами осталось полметра, не больше. – Ты что-то подслушала тогда?

– Я не подслушивала, – сжала кулаки до боли. – Это случайно получилось… Ты же сам им сказал, что *«через две недели здесь никого не будет»*. Я избавила тебя от проблем, ушла сама. Чего еще ты от меня хочешь?

На секунду в его взгляде мелькнуло нечто, похожее на досаду и раздражение.

– Я сказал, что разберусь, – жестко бросил он. – И разобрался бы. По-своему.

– Как с Чепуренко? – горько усмехнулась я. – Или он случайно решил набухаться на строящемся объекте и сигануть вниз?

Чернов прищурился. Матерый опасный хищник, на которого вдруг оскалила дворовая дворняга.

– Ты нарываешься, Лина, – грубо сказал он. – Я пока терплю, потому что ты мать моего сына. Но у терпения есть предел.

Меня передернуло. Он не оправдывался за Чепуренко. Не пытался убедить, что все иначе.

Где-то за спиной щелкнула дверь подъезда. Артем громко крикнул:

– Мам, ты идешь?

Я рывком обернулась. Он стоял у дверей, придерживая ее ногой, чтобы не захлопнулась, и смотрел на нас.

– Сейчас, Тем, – стараясь придать голосу бодрый оттенок, крикнула ему. – Уже иду.

– Папа скоро приедет? – неуверенно спросил сын.

Я буквально почувствовала, как Демид напрягся.

– Да, – одними губами ответила я сыну.

– Артем, садись в машину. Дядя Антон тебе поможет, – мягко проговорил Демид.

Я задохнулась от ужаса, увидев, как из черного внедорожника появилась еще одна фигура в черном костюме.

Сын растерянно моргнул, переводя испуганный взгляд с незнакомца, распахнувшего для него заднюю дверь автомобиля, на меня, затем на Демида и снова на меня.

– Умоляю тебя… Не здесь. Не сейчас. – задушено прошептала я, обернувшись к Чернову.

– Я озвучил условия, – безжалостно отрезал Демид, непреклонно глядя мне в глаза. – Останешься – Лапин загремит надолго, а сына я все равно заберу. Причем, на законных основаниях. Как тебе такой выбор?

– Мам? – высоким голосом позвал Артем.

Сердце рвалось на части. Я не могла связно мыслить. Стыдно, но я даже об Игоре думать не могла. Я знала, что предаю его, без шанса что-либо объяснить. Но выбирать между мужем и ребенком я не умела. И, наверное, никогда не смогу. Страх лишиться сына перекрыл кислород. А в том, что Чернов способен выполнить озвученные угрозы, я не сомневалась.

– Не трогай его, – отчаянно прошептала. – Я… я клянусь, мы исчезнем. Спрячемся еще дальше.

Он насмешливо хмыкнул.

– Уже пробовала. Не впечатлило.

Короткая пауза, но мне показалось, что она вместила вечность.

– Знаешь, Лина, – в темных, поглотивших синюю радужку, зрачках вспыхнула звериная ярость. – Я не настолько ебанутый, чтобы добровольно отпустить своего ребенка.

Мне захотелось завыть. Не от того, *что* он сказал. От того, *как* он это сказал. Мой настоящий Демид – тот непробиваемый бронепоезд, со стальной хваткой, с бешеным собственничеством в крови. Тот, кто не знает слова «отдать».

На осознание и принятие времени не оставалось. А на борьбу с Черновым и его окружением не было ресурсов. Я мелкая бесправная сошка против таких, как он.

– Садись в машину, Тем, – снова посмотрев на сына, выжала из себя ободряющую улыбку.

Он нерешительно замер, недоверчиво прищурившись и с подозрением глядя на своего биологического отца. Мой мальчик не виноват в том, что я родила его от монстра.

Это только моя вина.

– Не бойся, Артем, – смягчив тон обратился к сыну Демид. – Мы недавно приехали и попросили твою маму показать нам ваш город. Она согласилась, потому что мы давние друзья. Правда, Алина? – Он послал мне насквозь фальшивую улыбку.

– Правда, – кивнула я. – Садись, милый. Мы с дядей Демидом еще кое-что обсудим, и поедем.

– Вместе? – голос сына дрогнул.

Я снова мотнула головой, отчаянно пытаясь не разрыдаться. Тема неуверенно шагнул к автомобилю, позволяя прихвостню Чернова усадить его на заднее сиденье и пристегнуть. Об отсутствии детского кресла даже заикаться было смешно.

Дверца хлопнула. Тот, кого Демид называл Антоном, сел за руль. Снова раздался хлопок. Я дернулась, словно меня ударили.

Чернов медленно провел взглядом по моему лицу, задержавшись на губах.

– Умница, – буднично обронил он и протянув руку обхватил пальцами мое запястье. Сжал несильно, но ощутимо, чтобы продемонстрировать власть. – Причину, почему осмотр ваших грандиозных достопримечательностей затянулся, придумаешь в процессе.

– У меня нет с собой документов. Паспорт, свидетельство о рождении. Все дома, – беспомощно пробормотала я.

– Они вам больше не понадобятся, – небрежно отмахнулся Демид. – Пошли.

Я позволила ему увести меня к машине, чувствуя, как под ногами проваливается земля. Родной обшарпанный подъезд остался за спиной – вместе с нашей тихой размеренной жизнью.

На миг перед глазами всплыло лицо Игоря, когда мы целовались утром у машины… Теплый взгляд, ласковые объятия. Нежность, уверенность и спокойствие, которые я ощутила только с ним.

Не оглянулась. Не нашла в себе сил. Обернуться сейчас было равносильно прощанию.

А я…

Я обязательно вернусь.

Глава 6

Демид не сел вперед, хотя я очень на это рассчитывала. Чем больше пространства между нами, тем легче дышать. Но видимо, полоса моего везения закончилась с его появлением…

Чернов неторопливо обошел машину, распахнул заднюю дверь и кивком головы указал внутрь. Высокий и массивный – он выглядел настолько огромным и угрожающим, что я не осмелилась возразить.

Взглянув в неприступные льдистые глаза, инстинктивно втянула голову в плечи и суетливо нырнула в салон.

Артем уже сидел у окна, пристегнутый. Маленькие пальцы сжимали ремень безопасности, щеки раскраснелись от волнения. Я устроилась рядом, мягко привлекая сына к себе, коснулась губами взмокшего лба.

Чернов сел с другой стороны, его колено почти касалось моего. Хищная энергетика давила, буквально впечатывая меня в обивку. От него тянуло дорогим парфюмом с примесью сигарет и густого июльского зноя. Тяжелый запах, терпкий, острый, звериный…

Я поморщилась и прижалась ближе к сыну, накрыла влажной ладонью его руку, большим пальцем мягко провела по костяшкам.

– Все хорошо, Тем, – прошептала в темноволосую макушку. – Ты же любишь приключения? Представь, что это такая игра…

– Может, мы лучше дома поиграем? – мальчик вцепился в мою кисть, как за поручень во время турбулентности.

Сердце болезненно дернулось, к горлу подкатил комок. Я не знала, что ответить. Да и не существовало таких слов. В эту минуту я ненавидела Чернова со всей яростью, на которую была способна.

– Дома мы всегда успеем поиграть, – выдохнула и выжимая из себя улыбку.

Внедорожник мягко тронулся с места и с утробным рычанием выехал из двора. Я не смотрела в окно, сконцентрировавшись исключительно на сыне. Прохладный воздух внутри кожаного салона резко контрастировал с душной жарой снаружи и пламенем, разрывающим мое сердце.

Тихо играла музыка. Что-то легкое, попсовое и абсолютно не подходящее царившей внутри гнетущей атмосфере.

Артемка потеряно притих. Он больше не задавал вопросов, не пытался вырываться, только крепче стиснул мою ладонь. Через несколько минут его начало вырубать, дыхание расслабилось, голова упала на мое плечо. Детская психика, почувствовав неладное, искала спасения во сне.

Чернов молчал. Бугай за рулем тоже. В машине воцарилась зловещая тишина, гудящая как электрические провода.

Самое страшное заключалось не в том, что я не понимала, куда нас везут, и даже не в том, что рядом сидел человек, который по щелчку пальцев вырвал нас сыном из привычной жизни.

Самое страшное... подступающая волна паники. Она поднималась от груди к горлу, требовала воздуха, крика, движения.

Хотелось сорвать ремень, схватить Артема и выскочить из машины на ходу, ударить Демида, выцарапать ему глаза, вцепиться водителю в плечо, заставить остановиться… сделать хоть что-то.

Я закрыла глаза на пару секунд.

Вдох.

Выдох.

Сейчас моя первоочередная задача – это не месть, не выяснение отношений и даже не попытка немедленно сбежать, а безопасность Артема. Сын не должен был стать заложником нашей с Демидом войны.

Ощутив настойчивое жжение на щеке, я резко обернулась и провалилась в льдистые сапфировые бездны.

– Телефон, – спокойно сказал Демид.

Я рассеянно моргнула.

– Что?

– Телефон, Алина. – лениво повторил он, протягивая раскрытую ладонь.

Я невольно вздрогнула, заметив уродливый глубокий рубец, пресекающий линию жизни. Такие остаются, если сжимать нож, не позволяя вонзить его.

– Давай сюда, – нетерпеливо бросил Чернов.

Я машинально дернулась к сумке. Затем замерла, упрямо поджала губы. В висках оглушительно застучал пульс.

– Позволь мне позвонить мужу, – пробормотала с мольбой. – Или хотя бы сообщение написать.

– Лапина поставят в известность, – глумливо усмехнулся Чернов, наслаждаясь моей агонией. – Об этом можешь не переживать.

– И что ему скажут? – голос предательски дрогнул, дурное предчувствие стянуло внутренности.

– Какая разница? – он раздраженно прищурился, жестом повторив свое требование. – Не зли меня, Лина. Тебе не понравятся последствия.

В груди вспыхнул протест. Желание вцепиться ногтями в его самодовольно лицо перешло на критический уровень.

Но рядом спал Артем. Мой мальчик. Теплый, маленький, беззащитный.

Не навреди.

Я мысленно повторила эти слова, молча достала телефон и протянула Демиду.

Он взял его без лишних комментариев. Повертел в руках, бегло глянул на экран, затем опустил стекло. В салон ворвался горячий воздух трассы и рокочущий гул машин.

На секунду мне показалось, что я попала в какую-то нелепую сцену из криминального боевика: крупный план его руки, черный прямоугольник телефона, размытая лента асфальта за окном. Потом небрежное движение, и мой старенький телефон описал дугу и исчез на обочине.

Стекло с механическим жужжанием поднялось обратно.

В салон снова вернулась остужающая прохлада, музыка продолжила свой беззаботный мотив, словно ничего особенного не случилось. Я прижалась к сыну, спрятала лицо в его волосах. Сморгнула набежавшие слезы, вдыхая сладкий аромат детского шампуня.

Не навреди, – напомнила себе еще раз, пытаясь успокоить расшатанные нервы.

Машина тем временем не спешила выезжать на главную трассу.

Мы кружили по городу. Мимо мелькали знакомые перекрестки, светофоры, заправки, торговые центры. Я привыкла к этим маршрутам, знала их наизусть, но сейчас схема не складывалась.

Водитель, судя по выражению лица в зеркале, тоже начинал нервничать. Руки напряженно сжимали руль, костяшки побелели.

Минут через двадцать Антон все-таки не выдержал:

– Дем, – хрипло позвал он, покосившись в зеркале назад. – Определился, куда едем? Или так и будем круги наматывать?

Я почувствовала, как рядом напрягся Чернов. Его внимание переключилось с меня на лобовое стекло.

– Домой, – коротко ответил он.

– В отель? – уточнил Антон.

Краем глаза я увидела, как уголок губ Чернова на секунду дернулся.

– В столицу, Тох.

В салоне вдруг стало еще тише. Даже радиостанция на мгновение захлебнулась помехами. Антон напряженно сжал челюсть, наблюдая за плотным потоком машин.

– До столицы восемь часов ходу, – медленно произнес он. – А у нас здесь дел херова туча.

– Делами займешься ты, – так же сдержанно ответил Чернов. – Будешь держать в курсе.

– Один? А если…

– Без «если». – В голосе Демида прорезалась сталь. – У нас все готово. Планы, контакты, схемы, лежит у тебя на почте. Разберешься.

Ответа не последовало.

Антон резко перестроился, пропуская грузовик. Мы свернули на более узкую улицу, потом еще на одну. Дома стали ниже, дороги хуже.

Машина остановилась у какого-то неприметного офисного здания с закрытыми ставнями на первом этаже. Ни вывески, ни привычной суеты – только пара припаркованных машин и мусорные контейнеры у стены.

– Выходим, – командным тоном бросил Демид, отстегивая ремень.

На секунду у меня опустилось сердце, грудную клетку сдавил рефлекторный страх, что сейчас нас с Артемом выволокут наружу. Затащат в этот заброшенный офис и устроят несчастный случай, как с Чепуренко.

Но Чернов даже не посмотрел в мою сторону, только наклонился вперед и хлопнул водителя по плечу.

Тот выдохнул сквозь зубы, обернулся.

– Ты серьезно собрался сам гнать до столицы? – в голосе прозвучало недоумение. – С ней и ребенком? Дем, это…

– Я в курсе. – Отрезал Чернов. – Все, что мы планировали на неделю, сделаешь за три дня. Я буду на связи. Справишься. Не в первый раз.

Антон шумно втянул воздух, но спорить не стал. Выключил двигатель, нехотя выбрался наружу. Демид тоже покинул салон, тихо прикрыв за собой дверцу.

Минут пять или десять мужчины о чем-то ожесточенно спорили, курили, бурно жестикулировали. Я не расслышала ни слова, как ни старалась. Чертово радио снова заработало и шумоизоляция в салоне оказалась лучше, чем в нашем побитом жизнью «Форде».

Потом эти двое ударили по рукам и разошлись.

Через секунду Демид сел вперед, на место водителя, привычным движением отрегулировал сиденье и зеркала. Пальцы уверенно легли на руль, прицельный взгляд нашел мои глаза в отражении.

– Попробуй уснуть, Лин, – спокойным тоном посоветовал он. – Дорога будет долгой.

Двигатель снова ожил. Машина мягко тронулась с места, выезжая из тесного двора на широкую магистраль. Я посмотрела на полосы дороги, уходящие вперед, и поймала себя на мысли, что отныне у меня только один ориентир – ровное дыхание Артема рядом.

Остальное придется разгребать по пути.

Я честно пыталась не заснуть. Крутила в голове варианты исхода этой поездки, перебирала свои шансы вырваться из бульдожьей хватки Чернова.

Результат, мягко говоря, не радовал, а топил.

Поняв, что такими мыслями доведу себя до нервного истощения, я начала считать мелькающие мимо столбы и заправки. Через какое-то время цифры на приборной панели стали расползаться, превращаясь в серую кашу. Спина затекла, шея ныла, веки неумолимо тяжелели.

Нельзя вырубаться.

Я должна держать ситуацию под контролем.

Хотя бы…

Следующая мысль оборвалась. В какой-то момент собственное тело капитулировало. Мне показалось, что я просто моргнула чуть дольше обычного. А когда открыла глаза, картинка разительно поменялась.

Внедорожник не двигался.

Мотор урчал на холостых, лучи фар освещали серое бетонное здание с яркой вывеской. Сквозь лобовое стекло я увидела ряды чужих машин, неоновые буквы «КАФЕ 24/7», мусорные урны и заправочные колонки.

Сумерки сгустились, небо стало темно-фиолетовым.

Я моргнула, пытаясь понять, сколько времени прошло. Судя по ощущениям, не меньше пары часов.

Артем по-прежнему крепко спал, доверчиво откинув голову набок, иногда шевелил губами, словно разговаривал с кем-то во сне. Я осторожно дотронулась до него, приложив ладонь ко лбу, и только потом заметила, что за рулем никого нет.

Холодная волна прокатилась по позвоночнику. Я резко выпрямилась, приникла к стеклу.

Демид оказался недалеко. Он стоял у входа в кафе, спиной ко мне, говорил по телефону с таким видом, будто держал под своим тотальным контролем и ночную заправку посреди трассы, и полконтинента в придачу.

Одна рука глубоко утонула в кармане брюк, другая небрежно держала мобильник возле уха. Знакомый разворот головы. Волосы на затылке немного взлохмачены, широкие плечи плотно облегал пиджак, подчеркивая каждую рельефную мышцу.

Ничего от прежнего Демида в нем почти не осталось. Ни раздолбайской улыбки, ни той хулиганской легкости, в которые я когда-то влюбилась.Чужой роскошный мужик в дизайнерском костюме с телом боксера и взглядом убийцы. Сплошные мышцы, углы и контрасты. Брутальная дорогая картинка, от которой многие женщины теряют дар речи, а не мечтают зарядить ему кулаком в челюсть. Даже его фирменная развязная грубость с возрастом спрессовалась в жесткость, против которой попрет разве что идиот.

Я выдохнула, сама не замечая, как надолго задержала дыхание.

Через пару минут Чернов оборвал разговор, исчез за дверью и вскоре появился снова, но на этот раз с бумажной подставкой с напитками и пакетом. Двигался спокойно, неторопливо, не глядя по сторонам. Дверь со стороны водителя открылась, в салон ворвались запахи бензина, кофе и горячей выпечки.

Мой желудок предательски сжался.

– Проснулась, – констатировал Чернов, опускаясь на место. – Сколько ни смотри на дорогу, все равно вырубает.

Он поставил подставку между сиденьями. Два кофе и упаковка яблочного сока. Из пакета выглядывали три хот-дога в фольге.

– Я не голодна, – упрямо выдала я, хотя в животе уже вовсю бурчало.

– Слышу, как не голодна, – невозмутимо отозвался Демид, забирая себе стаканчик поменьше.

Американо. Он всегда предпочитал только его.

Я потянулась за своим кофе. Сняла крышку, потому что пить через маленькое отверстие не люблю и не умею. Проглотив комок тревоги, усталости и отчаянной злости, я втянула аромат бананово-малинового рафа и подозрительно покосилась на Демида.

– Боишься, что отравлю? – лениво хмыкнул Чернов, наблюдая за мной через зеркало. – Расслабься, Алина. Если бы я хотел тебя прикончить, не стал бы заморачиваться с кофе и хот-догами.

Саркастическая логика была безупречной. Я обхватила бумажный стакан двумя руками, деликатно пригубила. Горячая сладость растеклась по пищеводу, немного отогрела изнутри. Стало даже легче дышать.

– Артема разбуди, – сказал Демид, передавая мне сок. – Пусть поест.

– Ему нельзя фастфуд, – машинально ответила я.

– Да, брось, – он закатил глаза. – Все дети балдеют от вредной еды. Не будь занудой. Побалуй пацана.

– Пусть спит, – упрямо отрезала я, с трудом удержав едкий комментарий.

Не думаю, что своих дочерей он периодически вывозит в Макдональдс или угощает пиццей по выходным.

– Сама хотя бы перекуси. Ехать еще три часа.

Решив не усложнять, я достала из пакета хот-дог и развернув, откусила. Вкус показался резиновым, но организм благодарно принял калории. Несколько минут мы молча жевали, слушая, как за стеклом проезжают фуры и шипят тормоза. Радио давно вырубилось, и тишина в салоне перестала казаться такой удушающей.

– Куда ты нас везешь? – спросила я наконец, когда кофе кончился, а голод притупился. – Мне нужно понимать, к чему готовиться, и что сказать сыну.

Чернов некоторое время смотрел вперед, на освещенную парковку. Пальцы лениво стучали по рулю, выбивая какой-то свой ритм.

– Пока поживете под охраной, – произнес он, когда я уже готова была взорваться от напряжения. – В загородном доме, в Чернопрудных дачах.

Растерянно моргнула. Название элитного поселка я слышала раньше, и не раз, но резануло другое.

– Чернопрудные… Это от Черновых, да? – не удержалась от колкости. – Имени себя любимых, чтобы никто не перепутал?

Уголок его рта дернулся.

– Примерно, – не обиделся он. – Поселок строили по заказу отца. Ему приспичило обзавестись семейным гнездом за городом. Название архитектор придумал, но батя оценил игру слов. Пруд там действительно есть. Не черный, обычный, но с илом и тиной.

Демид положил свободную руку на руль, его пальцы сжались. Мой взгляд зацепился за широкий ободок обручального кольца. В памяти всплыл тот свадебный кадр с обложки журнала. Удивительно ярко и четко, как и все эмоции, что я тогда испытала.

Поперхнувшись, убрала недоеденный хот-дог в пакет и посмотрела на сына. Чтобы я сейчас не чувствовала к его отцу, сказать, что Демид Чернов был самой огромной ошибкой в моей жизни – у меня не повернется язык.

Без него ничего бы не было. Артемка стоил всего, что мне пришлось вынести. И еще придется…Терпеть, подстраиваться, искать новые пути для побега.

– Дом пустует несколько лет, – глухо продолжил Демид. – В детстве мы летом собирались там всей семьей. Мать была готова переехать насовсем, но отцу ближе городская суета. Так что дача осталась дачей.

В голосе мелькнуло нечто странное, не явная нежность, но и не привычная сталь. Сухая констатация фактов с легкой тенью того, что это место ему по-своему дорого.

Я сжала пустой стакан, разглядывая темное поле за пределами парковки.

– Прекрасно, – выдала я, стараясь скрыть укол тревоги. – А если твоей матери вздумается приехать туда на выходные и обнаружить в своем «семейном гнезде» незнакомую бабу с ребенком? Как планируешь объяснять?

Я ожидала раздраженной вспышки или очередной язвительной реплики. Но никакой реакции не последовало. Молчание растянулось на несколько ударов сердца. Я медленно перевела взгляд на Демида.

Он не смотрел на меня. Челюсть сжата, взгляд устремлен куда-то в пустоту за стеклом.

– Не приедет, – глухо пробормотал он.

– В смысле? – не сразу поняла я.

Он все-таки повернул голову и взглянул на меня в отражении. Льдистые глаза казались темнее обычного.

– Мать убили четыре года назад, – произнес почти без интонаций. – Конкурентам не понравилась идея объединения Черновых и Сафроновых.

Я ощутила, как внутри что-то неприятно екнуло. Моя язвительная шутка вдруг показалась дешевой и жестокой.

– Я… не знала, – выдохнула глупость, которую обычно говорят в таких случаях.

– Откуда бы ты знала, – усмехнулся он уголком губ, но до глаз улыбка не дошла. – Это не та новость, которую пускают по федеральным каналам.

Он откинулся на спинку, достал из кармана пачку сигарет, но курить не стал, просто повертел в пальцах.

– Мы ответили, – добавил он уже привычным сухим тоном, – Жестко ответили. В городе теперь никто нам поперек слова не скажет. Вам с сыном ничего не угрожает, Алин. На этот счет можешь не грузиться.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Все, что до этого казалось затянувшимся кошмаром, вдруг обрело более четкие очертания. Безжалостный опасный мир, откуда я пять лет сломя голову бежала, спасая себя и сына, снова затягивал меня в свою смердящую клоаку.

Оказаться рядом с человеком, у которого конкуренты убивают родных, было худшим из возможного.

– Зачем тогда охрана? – резко осипшим голосом спросила я.

– От дурных мыслей, – ухмыльнулся Демид. – Твоих, зай.

– Не называй меня так, – мгновенно вспыхнула я. – У тебя есть своя зая. Законная.

– Ее я называю иначе…

– Боже, я не хочу этого знать!

– Ревнуешь? – он самодовольно выгнул бровь.

– Ты больной? – выдохнула, с трудом сдерживая вскипевшую ярость.

– Когда ты рядом – да. Я явно не в себе, – признался без тени улыбки, но с налетом усталости. – Отлить пойдешь или поедем?

– Что? – с хрипом вырвалось из горла.

– Ну поссать там, умыться, – невозмутимо пояснил он.

Его бесцеремонность и грубость до сих пор ставили меня в тупик. И удивительное дело, ведь это я росла в детском доме с явным недостатком воспитания, а ведет себя, как уличное отребье именно он. Тот, кто родился в полной обеспеченной семье с бриллиантовой ложкой во рту. Но лучше бы ему туда вставили кляп.

В общем, в туалет я все же сходила. И умылась и все остальные дела сделала.

Боялась, что Чернов увяжется за мной, но он остался в машине. Знал, скотина, что без сына я даже рыпнуться не посмею, хотя соблазн был. Особенно, когда увидела болтающую по телефону продавщицу за прилавком.

Да, я могла попросить у нее телефон, позвонить в полицию, заявить о похищении, но меня пугали возможные последствия, о которых вполне конкретно и без шуток предупредил Демид. Бездумно рисковать и испытывать судьбу можно только, если тебе нечего терять. Мне есть.

Вся моя жизнь заключалась в маленьком мальчике, спящем на заднем сиденье автомобиля, за рулем которого вальяжно расположился Чернов.

Я еще пару секунд постояла у стеклянной двери, за которой виднелся громоздкий силуэт тонированного внедорожника. Медленно выдохнула через нос и вернулась к машине.

Дверь тяжело хлопнула, отсекая шум трассы. Внутри было полутемно и прохладно. Чернов оторвался от телефона, обернулся, скользнул по мне нечитаемым взглядом.

– Ну что, героиня боевика, – лениво протянул он. – Экстренный вызов спецназа отменяем?

– Пошел к черту, – устало отозвалась я. – Заводи свое корыто.

– Уже, – хмыкнул Демид, заводя двигатель. – Держись крепче. Остался финальный рывок.

Я пыталась не думать, не заглядывать далеко. Черт, даже завтрашний день был для меня одним сплошным размытым пятном. Неопределенность душила, выворачивала наизнанку, но какой смысл варится в жалости к себе, если все равно ничего не можешь изменить?

Остаток пути я неотрывно смотрела на спящего Артема, поглаживала большим пальцем его кулачок, почти полностью скрытый в моей ладони.

Демид сосредоточенно и на удивление аккуратно вел машину, периодически бросая короткие взгляды в зеркало. Несколько раз он открывал рот, словно хотел что-то сказать, но в последний момент передумывал.

Я тоже молчала. Слова, как спички – чиркни не вовремя, и полыхнет.

Дорога постепенно менялась.

Асфальт стал лучше, фонари чаще, серые бетонные монстры придорожных построек сменились на темные силуэты деревьев. Откуда-то появился запах сырости и хвои, словно мы въехали в другой, более плотный воздух.

– Приехали почти, – хрипло бросил Чернов, когда стрелка навигатора ткнулась в какую-то точку. – Сейчас будет пост.

Через пару минут впереди замаячил шлагбаум, яркая будка и несколько камер, напоминающих пушки. На кирпичном столбе набело выведено «Чернопрудные резиденции». Машина замедлилась. Охранник в форме вышел навстречу, и по его выражению лица было ясно – свой. Выпрямился, как по струнке.

– Доброй ночи, Демид Олегович, – почтительно произнес он, заглядывая в салон.

Взгляд скользнул по мне, задержался на ребенке и тактично отскочил.

– Открывай, – резко бросил Демид. – Ко мне никого без звонка не пускать.

– Понял, – мгновенно отозвался тот.

Шлагбаум поднялся в ту же секунду. Мы въехали внутрь, и мир за спиной окончательно захлопнулся, как крышка багажника. Впереди и по сторонам побежали ухоженные улицы без мусора и бродячих собак, ровные ряды коттеджей с темными окнами, подстриженные туи, каменные львы на воротах. Глянцевая картинка «успешной жизни», в которой мне отчаянно хотелось поцарапать витрину.

– И где ваше семейное гнездо? – не удержалась я, когда мы свернули уже, казалось, в пятый одинаковый переулок.

– Там, – Демид едва заметным кивком указал вперед.

Дом и правда отличался. Не размерами, хотя был больше соседских, а ощущением. Массивный, с темной черепицей, широким крыльцом и панорамными окнами, за которыми пока царила зловещая чернота.

Когда мы подъехали, вдоль дорожки автоматически зажглись фонари

Свет разорвал темноту, выхватив из нее аккуратный газон, яблоневый сад и тот самый пресловутый пруд за домом, гладкое зеркальное пятно, в котором отражалась луна. Мне отчаянно захотелось развернуться и уехать обратно в свой облезлый подъезд, где воняет кошками и жареной картошкой.

– Добро пожаловать домой, Лина, – негромко сказал Чернов, глуша двигатель.

От этого «домой» внутри что-то болезненно скрутилось.

– Это не мой дом, – автоматически возразила я. – И никогда им не станет.

Он посмотрел на меня через плечо. Лед в глазах чуть треснул, обнажив под собой усталую злость.

– Не зарекайся, зай, – спокойно ответил Демид.

Я стиснула зубы, чувствуя, как подступает очередная волна испепеляющей ярости. Хотелось закричать, швырнуть ему в лицо его же слова.

Но потом мой взгляд остановился на сыне…

Не навреди.

Я глубоко вдохнула, отстегивая ремень.

Глава 7

Демид

Утро в Чернопрудном я никогда особо не любил.

Слишком тихо. Даже после семейных праздников. Особенно после них.

А вот после моих юношеских вечеринок вполне терпимо. Отголоски бурной ночи порой плавно перетекали в такое же шумное развязное утро. Алкоголь вместо кофе, музыка из колонок, непротрезвевшие друзья и затраханные красотки с обновленным макияжем.

Дом тогда гудел, жил, вибрировал, и эта чернопрудная тишина не успевала дотянуться, задушить.

Отец бесился, естественно. Орал, грозился выселить меня к чертовой матери «в общагу к таким же дебилам», выгонял моих гостей, а потом благополучно сваливал в город.

Мать вздыхала, качала головой и молча заказывала клининг. В ее картинке идеальной семьи это называлось «мальчик переживает бурный период». В моей – просто еще одна пьяная ночь в компании близких по духу людей. Ровняй «таких же дебилов».

Круто было, чего тут скрывать. Отрывались так, что соседи на ушах стояли, но в ментовку стукануть никто не смел. Сначала отца боялись, потом меня.

С тех веселых разгульных времен много воды утекло, поменялось все: интересы, друзья, ритм жизни. После свадьбы я нечасто здесь появлялся, а после гибели матери и того реже.

Тихо стало, как в гробу. Холодно. Пусто. Тоскливо. Словно дом умер вместе с ней, хотя все это, конечно, лютая чушь. Дом как стоял, так и стоит, коммуникации работают, персонал поддерживает чистоту.

Но иногда, когда идешь по коридору и не слышишь стука маминых каблуков и звука ее мягкого голоса, действительно ловишь себя на ощущении, что коробка есть, а сердца в ней уже нет.

Фантомные ощущения, не более.

Ночью я почти не спал.

Час провел на обзвоне, добивая дедлайны по рабочим кейсам, потом сидел в кабинете с планшетом, перебирал отчеты, созванивался с Граниным, в деталях разжевывая, как прижать Лапина так, чтобы тот не дергался, не включал героя-правдоруба и не устроил нам мышиную возню с заявлениями, прессой и прочим цирком.

Тратить на него время и ресурсы влом, но заморочиться все же пришлось. Слишком много нюансов на нем завязано, чтобы оставить его в состоянии свободного полета с больной фантазией.

Если не дурак, то быстро смекнет, что про жену и ребенка лучше забыть. Целее будет. Ну а если нет, то в ход пойдет уже тяжелая артиллерия. Не хотелось бы, но тут все зависит от наличия серого вещества в его неглупой вроде башке.

Ценные указания раздавал, пока глаза не начали слипаться. Лег под утро, но организм все равно поднял меня по привычке в семь ноль три.

Сначала молча пялился потолок, обратившись в слух. Особняк медленно оживал. Где-то внизу глухо загудели насосы, проталкивая воду по трубам. В котельной щелкнуло реле, в стенах лениво скрипнули балки, словно дом потянулся после сна. Холодное стекло в окне чуть дрогнуло от порыва ветра.

Охрана отстояла смену без косяков – это я первым делом по камерам проверил. И только одна переменная в уравнении не укладывалась в привычную схему.

Алина устроилась с пацаном в гостевой спальне, в правом крыле. Дверь закрыта, свет до рассвета не включали. Это я тоже отследил по камерам. Отдельную точку наблюдения над

кроватью я мог включить в два клика, но заставил себя не просматривать. Не потому, что совесть внезапно проснулась, просто не хотел видеть лишнего.

В памяти и так достаточно кадров: как она вчера сидела в машине, сжавшись вокруг сына, словно из собственных костей строила ему укрытие. Смотрела на меня, как на чуму, и все равно держалась, потому что дергаться было нельзя.

Встал, прошелся босиком по холодному полу, посмотрел в окно.

Двор выглядел, как рекламный буклет: свежая трава, вылизанные дорожки, зеркальный пруд, над которым стелился утренний туман. Пара яблонь у забора, аккуратно подрезанные кусты, шезлонги, сложенные под навесом.

Мамин рай. Она могла часами сидеть на террасе с книжкой и смотреть на воду.

Отцовская игрушка, очередное доказательство статуса, не больше.

Мое временное убежище.

Телефон на тумбочке мигнул уведомлениями. Гранин отписался, что все идет по плану. С Лапиным беседу провели, объяснили расклад и риски. Пока вроде не дергается, но лучше держать руку на пульсе. И в случае чего, пульс этот придется оборвать.

Я пролистал сообщения, отметил то, что потребует прямого участия: пара звонков, одна личная встреча, срочный вопрос по финансам, остальное делегировал. Одновременно прикинул, сколько времени я могу позволить себе сидеть здесь, не теряя контроль в городе.

День? Два? Неделя уже роскошь. Если дольше, то начнут думать, что я расслабился, а это не айс.

На кухню спустился около восьми. Голова чугунная, внутри ощущение, что всю ночь таскал мешки. Нажал кнопку кофемашины, уперся ладонями в столешницу, пока она фыркала и шипела, прогоняя через себя воду и кофе.

Хорошо, что дом полгода, как стоял совсем пустой. Ни гостей, ни любопытных глаз. Только охрана, водитель на подхвате и домработница Тамара, которой четко объяснили, что лишних вопросов задавать нельзя, а телефоном лучше вообще не пользоваться, пока я здесь. Не потому что секретность уровня спецоперации, а потому что меньше болтовни значит меньше шансов, что кто-то что-то переврет и донесет не тем людям.

– Доброе утро, Демид Олегович, – раздался за спиной голос той самой понятливой домработницы. – Завтракать будете?

– Угу, – бросил я, не поворачиваясь. – Ребенку кашу свари. Нормальную. Не эту сухую хрень из пакетиков.

– Поняла, – тут же отозвалась Тамара.

Своих дочерей я по утрам почти не видел. Их режимом занималась жена, няни, репетиторы – целый штаб. У каждой свои чаты, расписания, кружки. Я в этой системе был чем-то вроде спонсора и страшилки «папа узнает».

Здесь все иначе. Здесь за этого конкретного пацана отвечаю лично. И за его мать тоже, нравится мне это или нет.

Кофе оказался горьким, как минувшая ночь. Я сделал несколько глотков, ощущая, как в голове медленно проясняется.

Шаги по лестнице я услышал раньше, чем Лина с Артемом показались в проеме. Я не сразу обернулся. Дал себе несколько секунд.

Открыл холодильник, просто чтобы занять руки. Холодный воздух ударил в лицо, взбодрив лучше, чем кофе.

– Проснулись? – спросил будничным тоном, делая вид, что изучаю содержимое полок. – Как паломничество? Ночевка в святых стенах прошла без откровений?

Лина промолчала, но я услышал, как она перевела дух, сдерживая очередную шпильку, и как Артем завозил носками по плитке, пытаясь забраться на высокий стул.

Мелькнуло желание подойти, подхватить его под локоть, усадить одним движением.

– Стул не кусается, командир, – бросил через плечо. – Запрыгивай смелее, завтрак от тебя не убежит.

Лина наконец двинулась внутрь, делая вид, что моих реплик не существует. Встала рядом с Артемом, подстраховала его ладонью между лопаток.

Захлопнув дверцу холодильника, я бесцеремонно уставился на нее.

На фоне глянцевой кухни Лина смотрелась живой и настоящей.

Видок, конечно, так себе. Бледная вся, помятая, глаза припухшие, волосы кое-как стянуты в хвост, моя новая футболка до середины бедра, старую брать наотрез отказалась.

Наверное, побоялась запахом моим пропитаться. Ебать какая принципиальная.

Футболка повисла на ее хрупкой фигурке, как бесформенный балахон, честно отрабатывая функцию бронежилета, умелоумело скрывала все самое интересное.

Как и тот скучный сарафан, что был на ней накануне.

Приличная мамочка, максимально далекая от той девчонки, что раньше носила шмотки пооткровеннее, но с тем же колхозным вкусом. Стиль у нее всегда получался через одно место, этим я занимался сам. Похоже, снова придется переодевать.

Когда взгляд сам по себе пополз по длинным ногам, я резко перевел его на Артема. От греха подальше.

На пацане вчерашние штаны, футболка с мультяшной лошадиной мордой, вихры во все стороны. Глаза уже ясные. Выспался герой. Вцепился в мамкину руку так, будто она единственный предмет в этом вылизанном до блеска доме.

– Как настрой, граждане заложники? – взяв со стола недопитый кофе, сделал большой глоток.

Меня снова проигнорили. Ожидаемо.

– Каша уже в стадии приготовления. Кто первый пробу будет брать?

Лина метнула в меня лютый взгляд, но сдержалась.

Прогресс!

Значит, двигаемся верным путем.

– Артем, поздоровайся с дядей Демидом, – попросила она.

– Здрасьте, – буркнул он, косясь на меня снизу вверх.

Возле стола засуетилась Тамара, вежливо поприветствовав гостей. Я представил обоих, пока без статуса и пояснений. Артем насупился сильнее, а Лину, наоборот, чуток отпустило.

Пока домработница расставляла тарелки с завтраком, никто не произнес ни слова.

– Демид Олегович, для вас и Алины у меня омлет с ветчиной, а мальчику чай или сок? – поинтересовалась Тамара.

– А горячий шоколад есть? – оживился пацан, и перевел вопросительный взгляд на мать. – Можно, мам?

Лина поморщилась, но кивнула. Строгая она, и парня явно не балует. Это сразу считывается. Мужиком растит. Похвально.

Закончив с подачей блюд и напитков, Тома тактично удалилась.

Я примостился на барный стул напротив Артема, подмечая все больше внешнего сходства. Волосы, глаза, мимика, линия бровей и форма губ и даже ушей – все мое.

Охереть можно. Нет, девчонки тоже на меня похожи, но как-то частями, Кирины черты тоже просматриваются. А тут Лина словно и не участвовала.

Алина села сбоку, ближе к сыну. На меня ноль внимания, фунт презрения.

– Артем, поешь немного., – негромко сказала она, заметив, что ребенок сосредоточился исключительно на горячем шоколаде. – Это вкусный завтрак, и его нужно съесть. Ты слышишь меня?

Пацан пару секунд смотрел на кашу, как на потенциальную диверсию, потом все-таки зачерпнул ложкой. Организм победил стресс, как оно и бывает.

Мы ели молча. И уверен, что все трое без особого аппетита. Дом поскрипывал, за окном садовник косил газон, кофемашина посапывала в углу. Тема все это время изучал меня короткими, настороженными взглядами.

В итоге любопытство победило.

– А мы… – он запнулся, отодвинул тарелку, взглянул на мать. – Мы когда домой поедем?

Фраза повисла между нами, как граната без чеки. Лина напряглась, словно ее ударили. Воздух стал плотнее.

Она вдохнула, чтобы что-то сказать, я опередил:

– Пока поживете здесь, – спокойно ответил, не повышая голос.

Артем нахмурился.

– А папа? – спросил после паузы. – Он будет волноваться.

Лина торопливо вмешалась:

– Папа знает, что мы в гостях, – проговорила она, тщательно подбирая слова. – И задержимся здесь. Ненадолго.

Ненадолго. Ага, щас.

А она неплохо задвигает. Искреннее, не прикопаться. Только Лина глубоко ошибается, что я стану тянуть резину и плясать под ее дудку.

Пусть даже не рассчитывает ни на какие поблажки. Их еще надо заслужить. И вообще, моя территория – мои правила. И сын тоже мой. Скрывать этот факт от него еще пять лет я не намерен.

– Ненадолго – это на выходные на дачу, – буркнул я, припечатав ее взглядом. – Вы здесь останетесь, пока я квартиру в городе не подберу.

Лина гневно сверкнула глазами:

– Чернов…

– Что «Чернов»? – я откинулся на спинку стула, оставляя кружку с кофе в сторону. – Я не собираюсь рассказывать пацану сказки. Это больше по твоей части.

Она вцепилась в край стола.

– А что я должна ему сказать? – прошипела. – Что ты внезапно решил вывезти его от отца в другой город, потому что тебе так удобнее играть в «хозяина жизни»?

Артем застыл с ложкой в руке, уставившись на меня во все глаза.

– С правды начни.

– Хватит, – вырвалось у нее. – Не при нем.

Я ненадолго замолчал, глядя на серьезного ребенка через стол. Ломать ему психику новостями о «новом папе» с утра было так себе идеей. Но и зад медом мазать тоже неправильно.

– Ладно, – выдохнул я. – Так. Слушай сюда, командир.

Он дернулся, но посмотрел прямо. Смелый взгляд, открытый.

Я точно так же встречал все, что мне в детстве скармливали непутевые взрослые. Дерьма схавал немало, хотя мать и пыталась каждый раз посластить пилюлю.

Ничего, не сломался.

– У взрослых иногда бывают… проблемы, – проговорил я, стараясь смягчить удар, чего давно не делал. – Иногда они ссорятся. Очень сильно ссорятся. Не могут договориться о самых простых вещах и совершают очень глупые поступки.

Уголок его рта нервно дернулся.

– Мама с папой никогда не ссорятся, – выдал с детской непосредственностью.

Блядь, меня от этого Лапина уже тошнит. При всех раскладах какой-то супер идеальный мужик получается. Сказочный рыцарь, сука. Уютный, надежный. Только один минус – не я.

– Это здорово, – кивнул я, вымучив улыбку. – А у меня с твоей мамой когда-то давно случилось большое недоразумение. Она что-то не так поняла, лишнего себе придумала и уехала в другой город, ничего мне не сказав. Ты тогда был у нее в жив…

– Демид! – истерично воскликнула Лина.

Стол тряхнуло от удара ее ладоней по столешнице.

– Не смей! Ты не имеешь права так поступать! Не смей, слышишь! – в голубых глазах сверкнули слезы, губы затряслись.

Меня проняло, честно. В груди неприятно засвербело, заворочалось, царапнуло изнутри, но отступить сейчас, значит продлить агонию.

Нахер.

Если дам заднюю, второй попытки не будет. Она закроет тему наглухо, а наш пацан еще долго будет жить в этом кривом спектакле про «дядю Демида».

– Мам… – тихо позвал Артем, потянувшись к матери. – Ты чего?

Она судорожно втянула воздух, отцепила пальцы от стола, пригладила выбившиеся волосы. Попыталась выровнять голос:

– Все хорошо… – хрипло пробормотала.

Обожгла меня ненавидящим взглядом и выдавила для сына теплую улыбку:

– Просто он не имеет права…

– Имею, – перебил я, даже не повышая тон. – Больше, чем ты думаешь.

Посмотрел прямо на сына.

– Помнишь, ты спрашивал, когда домой? – начал я. Наклонился вперед, опираясь на локти. – Так вот. Дом штука сложная. Бывает один дом, второй, третий. И с родителями примерно так же.

Артем озадаченно насупился, но не отпрянул и внимательно слушал.

– У тебя есть папа, – кивнул я. – Тот, с которым вы живете. Он тебя воспитывает, возит в садик, читает книжки, да?

– Да, – выдохнул он. – Папа.

Лина зажмурилась, обхватила себя руками.

– Все правильно, – продолжил я. – Папу Игоря никто не отменял. Но есть момент. Небольшая такая деталь.

Я сделал глоток остывшего кофе, давая себе секунду, чтобы не сорваться в привычный цинизм.

– Когда твоя мама от меня сбежала, – отчетливо произнес, – ты был у нее в животе. Маленький такой. С Зернышко. Я об этом не знал. Вообще. Понял?

Он моргнул, перевел взгляд с Лины на меня. Та сжалась еще сильнее.

– То есть… – он замялся, шевеля губами, как будто складывал в уме пример. – Ты… тоже… папа?

Слово «папа» прозвучало так, словно он пробует на зуб новый подозрительный фрукт.

Лина сорвалась с места, стул скрипнул ножками по плитке.

– Нет! – сразу перешла на крик. – Не слушай его, Артем! Он просто… он просто хочет все испортить! Он…

– Сядь, Лина, – холодно отрезал я. – Сейчас не твой выход.

– Да пошел ты!.. – выплюнула она, голос сорвался, но выглядело это уже не как атака, а как истеричный захлеб. – Ты его не хотел! Не знал, не интересовался, тебе было насрать! По какому праву ты…

– По такому, – резко оборвал очередной налет я, сдерживая растущее желание треснуть кулаком по столу, – Артем – мой сын. По документам, конечно, твоего Лапина, но по факту мой. Да, я узнал поздно. Да, ты его от меня спрятала. Но сейчас я тут, он тут, и делать вид, что мы просто случайно встретились полнейший маразм.

Артем сидел, как маленькая статуя. Щеки побелели, испуганный взгляд перескакивал с нее на меня.

– Мам?.. – почти неслышно произнес он.

Она закрыла лицо ладонями. Плечи заметно подрагивали. Ответа не последовало.

– Это правда, – сказал вместо нее. – Даже если мама сейчас очень злится и хочет меня убить.

Он какое-то время молчал. Потом осторожно, по-детски прямолинейно сказал:

– Но… у меня же уже есть папа.

Вот оно, самое главное. Не про кровь. Про роль.

– Значит, повезло, – спокойно ответил я. – У некоторых людей вообще нет такого взрослого, который за них отвечает. А у тебя, выходит, целых два. Один там, в вашем городе. Второй я. Не самый удобный вариант, но что есть, то есть.

– Я… не хочу другого папу, – выдавил он, уткнувшись взглядом в тарелку.

Лина всхлипнула громче. Я ощутил, как шарахнуло за грудиной, но проглотил.

– Никто не просит тебя перестать его любить, – заставил себя максимально смягчить голос. – Я не собираюсь навязываться и бороться за место «лучшего отца». Просто ты должен знать, кто я такой на самом деле. Не дядя. Не мамин знакомый. Я тот, кого когда-то любила твоя мама, и в итоге родился ты.

Он сидел, сжав губы. Ложка теперь лежала на столе, шоколад остыл. Уши покраснели. Я узнал это выражение, когда мыслей много, а опыта мало, и вся эта мешанина варится в одной кастрюльке.

– Я могу… пойти к себе? – наконец спросил он у Лины, не глядя на меня.

Она нервно кивнула.

– Конечно, солнышко, – сипло ответила. – Пошли.

Встала, обошла стул, обняла его за плечи. Пацан слез с высокого табурета ни на кого не глядя, и поплелся к дверям. Лина увязалась за ним.

У самого порога Артем все-таки оглянулся, взглянул на меня. Очень быстро, мельком. Но этого хватило: в глазах плескался страх, обида и то самое дурацкое «почему», на которое нет нормального ответа.

Дверь за ними закрылась.

На кухне стало так тихо, что слышно было, как стрелка на настенных часах перескакивает с минуты на минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.